

Кривонос Виталий Лемминг Белого Склона

По своей воле в море не отправится ни один дурак.
Артуро Перес-Реверте. «Осада»

На небе только и разговоров, что о море да о закате...

X/ф. «Достучаться до небес»

Ходить по морю необходимо; жить не обязательно.

Латинская поговорка

Сага о Хагене, сыне Альвара

Перевод с языка Скельде, примечания, комментарии и эпиграфы — Виталий Кривонос

Часть 1 Лемминг Белого Склона

*Взмах весла, ветер
И брызги холодных волн.
Слёзы на щеках.*

Мацую Басё¹

¹ Стихотворения Мацую Басё здесь и дальше в переводе В.В. Соколова.

Зимовка на хуторе Лисья Нора

Был уже поздний вечер, когда в усадьбу Рэфсхолль пришёл гость.

Первым делом залаяли собаки. Сторвальд узнал резкий, напористый голос Лисички, затем — глухое ворчание Чёрного и залиvistую брехню молодняка. Усмехнулся в усы: по весне будет славная охота! Но лай оборвался вмиг, как обрывается нить в руках пряжи. Сторвальд не успел насторожиться — раздался стук.

Стук сердца в костяной тесноте груди.

— Это не дикий зверь, — донеслось из тёмного угла за очагом, — но и не человек.

Астрид, мать Сторвальда, беззубая старуха, нечасто подавала голос. Но когда говорила — ошибалась редко.

На пороге заднего покоя молча возникла Герда дочь Люнгни, супруга Сторвальда, молодая лицом, но уже почти полностью седая. В широком шерстяном подоле заворчался сосунок Флоси, сын Эрика и его жены Соль Веснушки, внук Сторвальда бонда.

Стук повторился — негромко, но настойчиво.

Трое сыновей хозяина — крепкие бородатые парни, все в отца — стали по обе стороны от двери, поудобней перехватив топоры и ножи.

— Отворить? — Эрик, первенец и гордость,

наклонил рогатину.

— Поглядим, кто пришёл в такую пору, — кивнул Сторвальд.

И вышел к двери — безоружный, бесстрастный.

Эрик открыл, наставил остриё во тьму...

— Славно же встречают путника в этом доме! — насмешливый хриплый голос ворвался в усадьбу с порывом ледящего ветра, бросил лёгкое презрение горстью снежинок в лицо.

— Кто из живых может странствовать в этих краях в канун Йолля? — отразил выпад хозяин. — Выйди на свет и назовись, чужеземец! Эрик, убери своё полено.

Эрик отступил — отцу виднее — но оружия не выпустил.

Скрипнул снег. Странник ступил на порог.

— Можете звать меня Гест сын Мовара.

Человек шёл на лыжах. И, похоже, из самого Нибельхейма, туманного Края Мёртвых. Облепленный белой наморозью, заиндевелый, сжимал он окоченевшими пальцами лыжные палки. Из-за спины виднелся горб: это намело снег на сумку за плечами. Бледное, цвета сыворотки лицо, перечёркнутое шрамом и суровое, синие губы, усы и щетина сверкали инеем. Верно, устал и замёрз как собака, но на ногах держался твёрдо.

Однако более всего Сторвальда встревожил

взгляд пришельца. Тёмный, холодный, глубокий. Серо-зелёные глаза не моргали, не щурились на свет, не улыбались, в отличие от губ — тянули в морскую пучину, в промозглую бездну, где нет ни света, ни надежды.

Но — это был гость.

Никто не скажет, что в Лисьей Норе не приветят странника!

— Что же, — Сторвальд с улыбкой сделал приглашающий жест, — входи, Гест Моварсон, и располагайся со всеми удобствами.

— Гость, сын Чайки! — насмешливо бросил Эрик. — Будь я проклят, если такого твоё настоящее имя! Надобно думать, не один охотник идёт по следу этого волка!

— Не по нраву мне твои слова! — резко бросил Сторвальд.

А странник рассмеялся.

— Никто не идёт по моему следу, сын добрых родителей, — сказал он, — а тех псов и охотников, что шли, давно уже привечают предки. Но я хотел бы знать, — обратился к хозяину, — могу ли задержаться здесь до конца праздника Йолль?

— Дивлюсь я твоим словам! — развёл руками Сторвальд. — Думается мне, больше проку тебе остаться в Рэфсхолле до самой весны.

Гест вновь рассмеялся, теперь — грустно:

— Благодарствую, добрый хозяин. Однако нет

на то моей воли. Весной мне следует быть уже в Равенсфьорде.

Скафтар Сторвальдсон, второй сын бонда, присвистнул:

— То неблизкий путь!

— Чайка летит быстро, — проскрипела из угла Астрид старуха, — коль ветер — встречный.

Все слышали, как снег скрипнул на зубах пришельца.

— Не стой в сенях, гость, — обратился хозяин к путнику, — проходи да садись, где пожелаешь. Эй, Скегин, — обернулся к третьему сыну, почти юнцу, — сходи за дровами, баню истопи. Герда, растолкай Соль — пусть сама нянчит, и разогрей бобы: думается, сын Мовара не откажется поужинать. А ты, Скафтар, не стой как камень на кургане, принеси пива. Или ты выпил бы чего покрепче, Гест?

— Не надобно так хлопотать, добрые хозяева, — проговорил гость, снимая и отряхивая плащ — совсем ветхий и дырявый, как отметил Сторвальд, — пусть бы спала себе ваша Соль, ибо всякий скажет, что молодой матери надобен покой. Но ещё сказано: «сильно торопится сесть у огня, кто пришёл издалёка, и колени замёрзли».

С этими словами Гест взял протянутый Скегином чурбачок и примостился на нём у самого

камина, протянув руки прямо в огонь. Герда передала младенца Эрику, приняла плащ и котомку странника и повесила сушиться. Гест потёр руки, провёл по лицу, стирая иней и усталость, и обернулся к хозяевам с блаженной полуулыбкой:

— Огонь — это славно для рода людей!

— Здравие крепкое и жизнь, коль без лиха! — нашёлся Skeгин, опередив отца, который тоже помнил «Поучения Высокого».

— Это верно, — кивнул Гест. — Пользы большой от пива не будет, особенно в лютый мороз.

— Тогда ты, думается, не откажешься от горячей ежевичной настойки с мёдом, раз уж не желаешь ни есть, ни попарить кости? — спросил Сторвальд.

— Не откажусь! — тихо засмеялся пришелец.

Skeгин подкинул дров в очаг и помешал жар кочергой, Скафтар притащил запечатанный кувшин, но распечатывать и разливать не посмел, доверив это дело отцу. По гостинной поплыл тёрпкий пьянящий запах, когда котелок ставили на огонь. Все расселись у камина, даже старуха Астрид пересела поближе в своём кресле-качалке, облепленном обрывками пряжи. Только Эрик расхаживал по комнате, качая сына. Повисло напряжённое молчание, которое никто, однако, не смел прервать. Наконец Гест виновато улыбнулся:

— Не найдётся ли здесь трубочного зелья?

Или в этом доме сей обычай не в почёте?

Скафтар молча протянул гостю кожаный мешочек. Отец бросил на него неодобрительный взгляд, ибо недолюбливал привычку дымить трубкой, почитая её «моряцкой дурью», хоть сыну и не запрещал. Сам нахлебался запретов от собственного батюшки, славной памяти Стормира Скафтарсона. Когда же гость задымил, как гейзер на сопках, Сторвальд заметил:

— Экая у тебя старая трубка! Ты из горцев или с побережья?

— С чего ты взял, добрый хозяин? — уклончиво отвечал Гест.

— Нетрудно сказать, — едва заметно ухмыльнулся бонд, — у нас только в этих краях курят.

— «У нас», вот как, — покачал головой Гест.

— В Хлордире, в Стране Заливов, я имел в виду, — уточнил Сторвальд. — Или ты из-за моря?

— Даже и не знаю, как тебе ответить, — молвил Гест, глядя в огонь. — Я действительно вырос в горах и действительно за морем. Но было бы неправдой сказать, что я не жил на побережье и не ходил на вёслах и под парусом. Я, как ты уже, верно, догадался, Сторвальд бонд, был викингом, и останусь им, какие бы там указы не издавал наш добрый король Хруд...

Не скрылось от Сторвальда, как странно

дёрнулось лицо гостя при словах «наш добрый король», и как холодный взгляд на миг исполнился дикой, волчьей тоски. Такие же глаза были у старого верного волкодава Трюма, когда он совсем одряхлел и отец прогнал его в лес со двора — подышать. Сторвальд бонд был тогда совсем мальчишкой — зим семи или восьми. Но даже спустя целую жизнь его сердце всё ещё хранило тот обречённый собачий взгляд...

А Эрик ничего не заметил и пробормотал:

— Хорошенькое дело — викинг у нашего очага!

— Не ори, — бросил отец, — засранца своего разбудишь. А ты, добрый человек, поведай-ка нам, как это тебя занесло так далеко от моря.

— Поверь мне, добрый хозяин, — криво усмехнулся Гест, — это долгая и скучная история, в которой ни у кого из нас нет нужды. Подобных историй сто на сотню. И можешь быть уверен, что по весне никто не заявится сюда выпрашивать о сыне Мовара — или о каком другом сыне. Впрочем, — добавил бродяга, немного помолчав, — я не хочу казаться неучтивым. Вы приютили меня, я же могу отплатить только словом. И, поскольку вечера нынче длинные, могу нелживо поведать вам сагу об одном человеке, которого не так давно не стало в мире живых. Его сага занимательнее моей и позабавит вас куда

больше.

— Кто же этот великий муж? — насмешливо спросил Эрик. — Некто из героев войны Пасти и Длани? Мало их теперь ходит под небом!

— Воистину так, — кивнул Гест. — Хотя и не назвал бы я великим мужем Хагена сына Альвара...

— Того самого?! — разинул рот юный Скегин. — Ты знал Хагена Волчий Крюк, советника Хруда конунга? А правда, что его воспитывали дворги?... А правда, что...

— Придержи постромки! — тихо засмеялся Гест. — Я действительно знал Хагена — ну, или мне казалось, что знал. Теперь за то не поручусь.

— Надобно тебе знать, сын Мовара, — тяжело глядя, процедил Сторвальд, — что мои родичи и сыновья, вот эти, Эрик и Скафтар, сражались при Хлордвике на стороне Волчьей Пасти, против Хруда конунга, которому служил этот Хаген. И там пали родичи моей супруги Герды, сыновья и внуки моего тестя Люнгни с хутора Еловый Корень. И я сильно надеюсь, — добавил хозяин едва слышно, глядя гостю в глаза, — что твой рассказ действительно будет нелживым. Очень бы хотелось мне знать, что это был за человек!

Гест выдержал тяжкий, горький взор, и подумалось хозяину Лисьей Норы, что этот оборванец тоже был там, в той страшной битве, которую обе стороны прозвали «наш Рагнарёк», и

тоже потерял немало близких — если, конечно, сердце его знало, что такое узы человеческой приязни. А старуха Астрид внезапно произнесла, берясь за прялку:

— Пусть наш гость не думает, что попал к недругам. Конунги ведут свои войны, словно волки и вепри, а мы копошимся в лесу, словно лемминги. Кому-то перепало крошек да объедков, кому-то нет, всегда так было и будет, а по весне всё зарастёт травой.

— Словно лемминги, — задумчиво повторил Гест. — Ты кажешься мудрой, кэрлинг, и если бы твои слова попали в нужное время в уши нужных людей... Впрочем, итог один: всё зарастёт травой, не так ли? Что же, расскажу вам и о леммингах, и о волках с вепрями, и о том, как оно теперь будет, в вашем лесу. А начну, пожалуй, с того, что жил в народе dwarфов один юноша...

Пряжа норн

Прядь ² 1: Рождённый над волнами

² Прядь (исл. *Þattr*) — жанр исландской народной литературы, короткий рассказ, также глава или часть саги. Сага как бы прялась, подобно пряже, так что кусочек её вполне можно назвать прядью.

*Что тебе молвить,
юный мой друг,
о горе моём?
Альвов светило
всех освещает,
кроме любви моей.*

«Старшая Эдда». «Поездка Скирнира»³

7

(продолжение)

Над Громовым Утёсом бушевал прибой. Волны обрушивались на скалистые берега, залитые восходящей луной, полной и сверкающей. Пена шумела в расщелинах, стекала в море, чтобы тут же с грохотом ударить в камень, снова и снова. Море рычало и рокотало, заливая мир раскатистым грохотом...

...где-то там, наверху. Здесь же, в подземелье, под полукруглым каменным сводом, эхо играло лишь обрывками грома. Звуки внешнего мира, пробиваясь сквозь толщу породы, сливались в неясный гул, однообразный и потому тяжёлый.

³ «Старшая Эдда» здесь и дальше в переводе Виталия Кривоноса, кроме особо оговорённых случаев.

Альвар, сын Свалльвинда, всегда удивлялся, отчего этот утёс называли Громовым. Гнетущее гудение вовсе не походило на гром — скорее на заунывное пение стернманского рожка над пустынным фьордом. От него всегда болела голова и ныли зубы.

Особенно — в полнолуние.

Но Альвар, сын Свалльвинда, всё стоял под Громовым Утёсом, перед створками врат, слушал похоронный мотив и не мог заставить себя сделать шаг. Открыть каменные двери, ступить на гладкие плиты, по которым — ещё совсем недавно! — мчался сломя голову, сквозь мрак Нижнего мира, навстречу свету, жизни и любви... Теперь — не мог, не имел воли поднять ни рук, ни глаз. Он бегал слишком быстро, слишком неосторожно, и сломал-таки голову.

Сломал свет, любовь и жизнь.

И добро бы — лишь себе.

Но — где-то там, на другом конце колдовского пути, на диком севере, в стране краткоживущих Верольд, на холодной скале, над волнами у края обрыва, на пересечении ветров, под выстуженным небом, полным шторма, гнева и птичьих криков, — там лежал его новорожденный ребёнок. Лежал, брошенный всеми, ненужный никому, отвергнутый матерью, рождённый до срока, чудом оставшийся жить. Он лежал и кричал

от холода и голода, и ещё, наверное, от страха, от нутряного озноба одиночества. Потому что вещи норны припасли ему суровую нить, и дева Верданди пока держит её в руках, дева Скульд в раздумье занесла свой беспощадный нож, чтобы свершить должное, а старуха Урд ничего не замечает, ибо судьба слепа. Младенец кричал в нескольких днях пешего пути от Громового Утёса, а муж недостойный, Альвар Свалльвиндсон, слышал его крик сердцем, ибо то кричала его кровь.

— Я иду, малыш, — прошептал Альвар, раскрывая врата во тьму. — Слышишь? Я иду за тобой. Продержись, мой сын, мой милый, несчастный ублюдок. Осталось недолго. Проживи ещё несколько минут. Не умирай. Только не умирай там ...

1

Служанка нашла его в купальне. Юноша сидел по шею в горячей булькающей воде с сернистым душком, прикрыв глаза, грея тело, изрядно продрогшее в походе. Шутка ли — без малого полгода в море! Да и возвращаться пришлось по осени, уже после Эйфендага, который ещё называют Свидар — День Бараньей головы, или Вентракема — «Зима Пришла». Теперь юноша понял — почему! С другой стороны — знал, на что

идёт, и, уж конечно, не жалел. Не зазорно ли, добродушно подтрунивали моряки, сыну короля dwarves отправляться в торговую поездку? Что же тут зазорного, отвечал юноша, коли я — *младший* сын, а какова доля младших сыновей — нет нужды говорить...

И все смеялись.

Они смеялись, а младший сын Свалльвинда конунга, правителя сольфов Круглой Горы, хотел плакать, когда корабль покидал фьорды, возвращаясь домой. Не тяготы морского пути печалили молодого королевича, не холод и качка, не труд наравне со всеми — подумаешь, натёр мозоли о вёсла и ванты! Нет, увы, не знал юноша, какое сокровище повстречается ему в Стране Заливов, и каким не суждено ему обладать, пока горы не сдвинутся с места.

А и знал бы — тем более подвизался бы с купцами. Потому что чашу своей судьбы следует пить до дна, и лучше — уж если норны примешали к мёду горечи — залпом...

— Вот ты где, сын конунга, — насмешливо бросила служанка, стоя в дверях и беззастенчиво разглядывая юношу. — Много ли рыбы можно поймать такой снастью?

Старший сын Свалльвинда конунга, Исвальд, будучи в хорошем расположении духа, ответил бы, что, мол, уж на такую рыбку, как Финда дочь Аки,

большой удочки и не требуется, после чего затащил бы дерзкую девчонку в воду и всласть бы позабавился. Будучи не в настроении, Исвальд мог бы наставить дочери Аки синяков и самому Аки тоже. Младший Свалльвиндсон был не таков. Иной раз он, верно, смутился бы своей наготы, но теперь на сердце лежала такая гора, что он поленился даже открывать глаза:

— Чего это тебе, Финда, рыбки захотелось?

— Ничего мне не захотелось, Альвар хёвдинг.

А тебя желает видеть госпожа Хрейна.

«Приплыли», — обречённо подумал Альвар.

Хрейна дочь Кьялара из Гульдсаллира была женой Свалльвинда конунга и — так уж оно вышло — матерью Альвара. То была женщина немногословная, властная и весьма неглупая. Все жители Сольфхейма почитали за лучшее уважать её и бояться, хотя и не сказать, чтобы народ очень её любил. Ей, впрочем, вполне хватало любви и преданности сыновей, ради счастья которых она была готова на большее, чем иные матери.

Младшего из её сыновей это весьма тяготило. С некоторых пор.

— Хотела переговорить с тобой до ужина, — мать встала из-за ткацкого станка и жестом указала сыну на крытый ковром рундук в углу, а сама выглянула за дверь и прикрыла створку. Альвар сел

на рундук, а Хрейна опустилась в кресло напротив, глядя ему в глаза, и вдруг улыбнулась.

— Есть у меня для тебя подарок, сын мой! — заговорщицки прошептала королева сольфов, но тут же изменилась в лице, молвила сурово и укоризненно:

— Твой старший брат Исвальд уже восьмую зиму как женат, и скоро, хвала дисам, одарит меня вторым внуком. А ты всё никак не найдёшь себе супругу, и это печалит меня, и даже пугает. Не обрадуют никого из нас пересуды, коль поползут, о том, что мужу из рода Фьёрса моряки милее белоруких дев!

Альвар тихонько вздохнул. Эти речи были не в диковинку. Матушка вбила себе в голову, что младшего сына надобно срочно женить, а то так и будет мыкать свой век в одиночестве и печали — а век у dwarves куда как долог... Правда, надо бы отдать ей должное: угрозы приберегла на крайний случай. Видать, отчаялась просватать сына, раз уж дошло до такого. Раньше, быть может, Альвар и устыдился бы.

Раньше.

До того мига, как увидел Хельгу, дочь Арнкеля конунга, идущую по осеннему саду.

До того мига, как погас для него солнечный свет.

Раньше...

— Жаль мне, милая матушка, огорчать тебя, — покорно сказал Альвар, опустив глаза. Поскорее кончила бы поучения да отпустила сына — броситься в море с Громового Утёса вниз головой или хоть напиться до беспамятства.

— Не достоин ты моего подарка, ну да ладно, — так же строго молвила Хрейна, но глаза её улыбались, — я договорилась с фру Асхильд, супругой Фьялара из рода Финнара Мудрого, а это достойный род, как тебе, конечно, ведомо. Их младшая дочь Гнипа примерно твоего возраста. Они должны прибыть на Йолль, и если всё обернётся удачно, можем засылать сватов уже к празднику Торри. За свою Гнипу они посулили, пока только предварительно, соляную мельницу в Тильхофе. Что сказать, небогатое приданое, но Фьялар Финнунг — знаток закона и лагеман, а иметь такого человека в родне не будет лишним и королю, не так ли, сын мой? Да слушаешь ли ты меня, Альвар!?

Нет, Альвар не слушал. Какое дело было ему до какой-то там Гнипы из рода Финнунгов, до её всеумудрого батюшки-законоведа и дурацкой соляной мельницы. Какое дело ему было до всех белоруких дев со всех девяти миров. Тени. Тени и морок.

— Так! — Хрейна вскочила с кресла и принялась ходить по комнате, перебирая мелкие

рубиновые чётки, а казалось — у неё пальцы в крови. Вечерело, и оконные зеркала, по которым дневной свет проникал в недра горы, окрасились тёмно-бордовым. Хрейна застыла на миг, глядя в отражённые сумерки, затем резко отвернулась и закрыла ставнями зловещее свечение. Что увидела она в мгновение заката? Что её испугало, какой мимолётный призрак посетил матушку, да и что её вообще могло испугать — Альвар даже не пытался гадать. А Хрейна зажгла сольстейн, круглый самоцветный камень, какими зажиточные дверги освещали свои подземелья, и вдруг накрыла руки сына своими ладонями.

— Кто она? — спросила мудрая дочь Кьялара с тревогой в голосе.

— Что... кто она? — оторопело пробормотал Альвар. — О ком ты говоришь, матушка?

— Ты знаешь, — Хрейна провела ладонью по лбу сына, по щетинистой щеке, пальцы у матери были холодны, да и рубиновые чётки неприятно холодили кожу, — ты сам не свой, весь горячий, и я не узнаю собственное дитя. Думается, нетрудно отыскать причину подобной хвори, коли речь идёт о неженатом юноше... Кто же она? Какого роду-племени, кто её родители, и где ты с ней познакомился? Как зовётся та дева, на которую положил глаз мой сын?

Альвар только слабо улыбнулся и покачал

ГОЛОВОЙ:

*Что тебе молвить,
милая мать,
о горе моём?
Альвов светило
всех освещает,
кроме любви моей.*

Хрейна приняла игру:

*Знаю тебя я
многие зимы,
и ты меня, сын;
с давних времён
всё мы друг другу
всегда веряли.*

Альвар долго молчал, затем заговорил, и голос его постыдно дрожал:

*В Арнкеля доме
видел недавно
желанную деву;
сияние рук её
насквозь пронзило
небо и воды.*

*Чувства того,
что меня охватило,
прежде не ведал никто;
из асов иль альвов
никто не захочет
сватать меня за неё.* 4

Теперь надолго замолчала Хрейна. Оцепенела, окаменела, кольцеукрашенные пальцы сомкнулись на чётках, сомкнулись и бледные губы, и веки над усталыми глазами. Как же ты постарела, бедная матушка, подумалось Альвару. Ждал, что она станет кричать и гневаться, что потребует от него клятвы образумиться и повиноваться, что расскажёт всё отцу, и тогда уж волей-неволей придётся жениться на этой Гнипе — или ещё какой-нибудь Гнипе, которую ему сыщут. Он, собственно, был ко всему готов, и одна мысль билась в висках: скорей бы кончилось. Но Хрейна лишь уточнила, не открывая глаз:

— В доме Арнкеля? Того самого Арнкеля Арнгримсона, что сидит конунгом в Вестандире, в Западных Фьордах?

4 «Старшая Эдда», «Поездка Скирнира», строфы 4–7. В оригинале «юный мой друг» вместо «милая мать», «и ты меня, друг» вместо «...сын» и «Гюмира» вместо «Арнкеля».

— Так оно и есть, матушка, — настороженно ответил Альвар.

— Тебе приглянулась дева из народа краткоживущих Верольд? — мать не спрашивала, она размышляла вслух, снова меряя шагами покои. — У себя дома она высокого рода, но нам-то они чужие, здесь — чужаки... Ты ей никак не равен, и она тебе не равна, и такого ещё не бывало, чтобы дверги женились на вердах и плодили потомство... Не в том даже печаль, что это дело позорное, а в том, что просто невозможное. Помнишь, чем закончилось сватовство Альвиса из сварфов к дочери Тэора? На Севере поют, что, мол, солнечный свет обратил его в камень, но мы-то знаем правду: Альвис не ответил на последний вопрос будущего тестя, и Гневноревущий убил жениха. Может, оно и к лучшему: пострадал сам, но избавил от страданий невесту. Да мы же самое меньшее вдвое ниже их ростом, — горько усмехнулась уголком рта королева, — как ты станешь с нею спать?

Вот теперь Альвар смутился. Мать умела задеть за живое. Но щадила сына, и он это знал.

— Не будет мне без Хельги Красавицы ни света, ни жизни, — прошептал он едва слышно. — Но никто из асов и альвов меня за неё не просватает...

— Уж конечно, — бросила Хрейна, рассеянно

глядя сына по голове, — больше асам и альвам нечем заняться, как только сватать тебя за эту Хельгу. Впрочем, думается мне, в этом деле можно обойтись и без асов, и без альвов. Раз уж ты у меня такой упёртый. Весь в отца. Ну что мне с тобой делать? Помогу, чем смогу!

Альвар поднял удивлённый взгляд. Матушка улыбалась, и от этой улыбки хотелось плакать — столько нежности и муки было в её глазах.

— Я сама ничего не придумаю, — тихо сказала Хрейна, — сколько ни ломать головы. Потому лучше бы тебе обратиться к тому, у кого голова сломана уже много веков. Поезжай назавтра в Сольвиндаль, на двор Гримхёрг. Там живёт Тунд Отшельник. Он самый старый из dwarves, кого я знаю. Он прорицатель и колдун. Он совершенно выжил из ума, ещё когда я была твоего возраста, но сказано ведь: «над старцем седым смеяться не смей, благо нередко в словах старика»⁵. На вот, подаришь ему с моим приветом, — и вложила свои любимые чётки в ладонь сына.

— Стоит ли, матушка? — робко попытался возразить Альвар, но Хрейна только отмахнулась:

— Счастье твоё стоит для меня куда дороже!

⁵ «Старшая Эдда», «Поучения [Речи] Высокого», строфа 134.

А барахла такого полный сундук и ещё горсть, не убудет. Всё, ступай прочь, покуда я не рассердилась и не передумала!

Альвар не ушёл, а обнял мать и поцеловал изрезанное свежими морщинами чело. Словно саму землю, испещрённую рунами фьордов, прижал к груди. Прошептал:

— Отцу не говори!

— Не скажу до срока, — смахнула скупую слезу королева. И добавила, скрывая боль за язвительной шуткой, — пусть уж лучше тебе будут милее крутые бёдра жены из вердов, чем волосатые зады моряков!

2

Тунд Отшельник вовсе не показался Альвару таким уж безумным. Странноватым, пожалуй, но поживи-ка с полтысячи зим — тут у всякого мозги заржавеют. Во всяком случае, он сам вышел встречать путника за ворота усадьбы в осенние сумерки, и никто бы не сказал, что хозяину Гримхёрга неведом закон гостеприимства.

Альвар выехал один, на рассвете: не хотел никого впутывать, а ещё меньше хотел держать ответ перед отцом — до срока, по крайней мере. Все пожитки уместились в потёртой кожаной торбе, притороченной к козлиному седлу. Мог бы взять и

коня — с некоторых пор благородные юноши двергов переняли этот обычай у Верольд, и тратили отцовские деньги на мохнатых северных лошадок, низкорослых и очень смышлёных, но — к чему привлекать к себе внимание без нужды? Не на праздник собрался и даже не на тризну. Потому и плащ одел неказистый. И надвинул капюшон на глаза, покуривая трубку и поглядывая по сторонам: осторожность в пути никому ещё не повредила.

Ехать пришлось целый день, от Круглой Горы до перевала Змеиных Зубов, через всю долину Сольвин. Альвар подумал было заехать в Гульдсаллир, к родичам матери, но тут же отбросил эту мысль как дурацкую. Нет нужды. Ни в чём не будет нужды, пока сияние глаз липы льна, пригожей дочери Арнкеля, не озарит небосвод. А потому — на север и в горы...

Вот в горах королевич едва не заплутал. Раньше ему не доводилось бывать на перевале Драккетар, о котором ходили самые мрачные слухи. Когда Альвар въехал на узкую тропу меж крутых склонов, солнце уже садилось. Конечно, он загодя расспросил дорогу у местных жителей, но от помощи провожатого отказался: по глупости, от самоуверенности и от испуга: мало ли, куда заведёт путника такой Ивейн из Суссекса ⁶. Теперь жалел,

⁶ О каком эпическом персонаже идёт речь, не вполне ясно.

ведя под уздцы козлика, ощупывая дорогу посохом и спотыкаясь в потёмках. Облегчённо вздохнул, увидев свет на скале, и тут же перецепился через камень и, падая, резко дёрнул поводья. Козёл закричал что-то на своём козлином наречии и попытался убежать, но тут из темноты вылетела дубинка и огрела его меж рогов. Несчастный зверь только горестно мекнул, сетуя на злую козлиную долю.

— Чего ты тут разлёгся, странник? — раздался скрипучий голос.

Альвар встал, отряхнулся и поклонился старику:

— Привет тебе, добрый человек. Ты, стало быть, и есть Тунд Отшельник, годи Эрлинга?

— А ты, мне думается, Альвар Фьёрсунг, юный сын конунга? — старик поднял факел и несколько мгновений вглядывался в лицо гостя. — Ты похож на своего деда, Хёгни Альвирсона. Что же, идём, впереди долгая ночь. Осторожно, здесь крутая тропа.

«Куда уж круче», — подумал Альвар.

Гримхёрг был храмом в честь бога Эрлинга из асов, которого ещё называли Грим, а Тунд с незапамятных времён был его годи — жрецом и

заодно хозяином всей округи. Двор обустроили на скале по левую руку от горной дороги, а тропинку ко двору скудно освещал очаг на вышке над воротами. Усадьбу ограждал частокол, на котором висели, приветливо улыбаясь гостям, черепа козлов, баранов, быков и даже лошадей. Альвар также заметил несколько человеческих черепов, прямо над воротами. Хотел было спросить, это что же, от жертвоприношений остались, или гости проявили неучтивость, но передумал. Какая, в сущности, разница.

Во дворе их встречали: Тунд, хотя и прозвался Отшельником, не мог бы при всём желании в одиночку присматривать на храмом. Усадьба, против опасений Альвара, не выглядела покинутой и зловещей: за тыном обнаружили сараи, баня, водозабор, кузница, другие службы, а также длинный жилой дом для слуг. Альвар подумал, что его поселят там, но Тунд повёл его дальше, через двор, к лестнице у скалы. Ступеньки вели к пещере, где и обитал сам годи. Там же располагалось святилище, которое, правда, было закрыто.

— Тут всегда закрыто, кроме особых случаев, — пояснил жрец.

Пещерное пристанище Тунда, кстати, оказалось весьма уютным и тёплым: пол и стены отделаны сосновой доской, устланы шкурами и клетчатыми шерстяными завесами, убранство

простое, но добротное — низенький стол, скамья, кресло-качалка, топчан в углу, два сундука, полки с книгами. Отапливалась ниша камином, у которого даже оказался дымоход. Видать, старые кости колдуна требовали сухости да обогрева.

Ужинали неизысканно, но сытно: овсянкой с овечьим салом и ячменными лепёшками. Запивали скиром⁷: Тунд сказал, что от пива на ночь глядя пользы немного. Трапезничали в молчании: хозяин ничего не спрашивал, а гость первым заговорить не решался. Затем Тунд помешал жар в очаге, прикурил от кочерги трубку, такую же старую, как и он сам, и откинулся в кресле, прикрыв глаза.

— Как ты узнал, кто к тебе прибыл? — осмелился спросить Альвар. — Видел вещий сон?

— Может, и видел, — Тунд затянулся и выпустил колечко дыма, — а может, и нет. Не помню. Но вот мой скотник рассказал забавный случай. Сегодня один молодой барашек с золотым завитком на загривке пытался вскарабкаться на белую тёлочку Хельгу. Как ты думаешь, что бы это могло значить?

— Да ты что, старик, издеваешься надо мной?! — воскликнул Альвар — и тут же

⁷ Скир — кисломолочный слабоалкогольный напиток, аналог кумыса или кефира.

устыдился.

А Тунд вытащил трубку изо рта, наклонился вперёд и пристально поглядел на гостя. Глаза в глаза. Альвар не выдержал спокойного, холодного взора, опустил голову, чувствуя, как краска заливает лицо. Тунд глубоко затянулся и выпустил густую струю дыма прямо в нос высокородному юноше.

— Рассказывай, какое у тебя дело, сын конунга.

Старик молча выслушал сбивчивую речь Альвара, выколотил трубку и сказал так:

— Если по-хорошему, сын конунга, то мне следовало бы надавать тебе по жопе и наутро выставить отсюда. Потому что ты даже себе не представляешь, какой головной болью и скрежетом зубовным кончится эта история. Для всех вас. Да и не дело барану покрывать кобылу. Без обид. Но... — недобрая улыбка шевельнулась под густыми седыми усами, сверкнула в серых глазах, словно блик солнца на жертвенном ноже, — потешил меня твой рассказ. Думается мне, как бы ни повернулось дело, это меня позабавит и отвлечёт от моей обычной скуки. Давненько не доводилось браться за столь непростую работу.

— Так ты полагаешь, о мудрый старец, — с замиранием сердца спросил Альвар, — что есть

надежда? Ты уже что-то придумал?

— Не такое трудное дело, чтобы баран покрыл кобылу, — засмеялся Тунд. — Трудно будет потом, но это уж не моя забота. Мне любопытно, родит ли овца жеребца. Теперь ложись вон там, на топчане, а я буду думать, как тебе помочь, ибо таково моё дело. Добрых снов, тенгильсон.

Когда Альвар проснулся, колдуна в комнате не было. Был завтрак на столе: тёртый пирог с ягодами и травяной чай в чайничке. Гость не стал дожидаться особого приглашения, подкрепился и побрёл умываться.

Во дворе Альвар столкнулся нос к носу с хозяином.

— Доброе утро, — вежливо сказал юноша.

— Ты хорошо ли знаешься на кузнечном ремесле? — спросил Тунд.

— Что... в каком смысле? — опешил Альвар.

— Ты глухой или не проснулся? — проворчал Тунд.

Проходящие мимо служанки захихикали. Альвар смутился было, потом гордо заявил:

— Каков был бы из меня потомок королей сольфов, когда бы я не умел обращаться с молотом, зубилом и клещами?

— Твой дед Хёгни не умел, — пожал плечами

Тунд. Альвар возразил излишне резко:

— А мой прадед, Альвир Умелец, не просто так получил своё прозвище!

— Это мне тоже известно, — кивнул Тунд, — и не надо так орать, я старый, но не глухой. Умойся, потом подходи к кузнице, вон туда. Думается, я понял, как тебе помочь.

Кузня в Гримхёрге была роскошная. Молоты, молотки и молоточки всех видов и размеров, разные чеканы, пробойники, резцы, клещи, свёрла, иглы для зернения и чернения, напильники, литейные формы, шлифовальный песок, двухкамерный горн и даже — отдельно — плавильная печь. Парового молота, правда, не было, да и к чему бы. Пока юноша стоял и глазел по сторонам, разинув рот, годи взял станген ⁸ и принялся измерять его череп.

— Зачем это? — нахмурился Альвар.

— Флоки, записывай, — бросил Тунд подмастерью, — высота три фенга ⁹, лобная доля — два, скулы — полтора, подбородок... бороду подыми... подбородок — 1,25... так, хорошо.

⁸ Видимо, речь идёт о штангенциркуле.

⁹ Мера длины, принятая у dwarves, примерно 10 см.

Нос... ну и рубильник, право слово, без обид... переносица... глазные впадины... теперь затылок. Обернись...

Потом годи отпустил помощника и подошёл к горну — раскурить трубку.

— Что это было? — недовольно буркнул Альвар. Не то чтобы его оскорбила хозяйская бесцеремонность, нет, скорее непонимание смысла подобных действий. Когда Альвар чего-то не понимал, то частенько злился. Только это и могло его по-настоящему возмутить.

— Что это было? — переспросил, ухмыляясь, Тунд, и ответил в рифму. — Знание — сила! Теперь к делу, мой умелый гость. Знаешь ли ты сказание о том, как Утред Голова Дракона, отец легендарного Арта конунга, соблазнил будущую матушку этого самого конунга, красавицу Игерну? Или нет, это скверный пример, там дело кончилось кровью... Знаешь ли ты, как Сигурд Убийца Фафнира смог добыть для Гуннара Гьюкунга валькирию Брюнхильд? Нет, снова скверная история... короче, Альвар сын Свалльвинда, ты понял мою мысль?

— Эээ... нет, — на всякий случай сказал Альвар, хотя и примерно смекнул, к чему клонит старик.

— Попробуем иначе, — не растерялся Тунд. — Знаешь, под каким именем Эрлинг Всеотец явился к своему воспитаннику, Гейррёду

конунгу?

— Под именем «Гримнир», то есть «Носящий маску».

— Смышлёный юноша, — похвалил Тунд. — А поскольку так случилось, что ты обратился за советом как раз к годи Эрлинга, то есть Гримнира, то ничего я тебе не присоветую, кроме как изготовить волшебную личину, изменить свой облик и явиться к желанной деве статным заморским красавцем, а не мерзким носатым карликом.

— Воистину, чего уж проще, — пробормотал Альвар.

— Работать придётся здесь, — обрадовал Тунд, — и по ночам. Сразу предупреждаю: не одну ночь. Ты будешь ковать, а я — заклинать маску, иначе чары не подействуют. Если всё пройдёт как должно, ты сможешь полностью сменить облик, превратиться в человека из народа Верольд, и даже мать родная тебя не отличит от верда. Придётся, правда, изучить их обычаи, придумать себе новое имя и родословную, но это уже не мои заботы. По нраву ли тебе мой замысел?

— Не по нраву, — честно сказал Альвар, — но, думается, выбор небогат. Когда приступим?

— Придержи постромки, горячий горный парень, — прищурился старик, — ибо ныне речь у нас пойдёт об оплате.

— Вот я растяпа! — Альвар с досадой и звоном хватил себя ладонью по лбу, потом побежал в пещеру, стукнул дверью кузницы Флоки, который стоял там и подслушивал, извинился, зацепил тележку с углём, перепугал стадо гусей и пастушонка, который их собирал, снова извинился, развязал свою дорожную торбу, достал увесистый кошель, поскользнулся на лестнице, прибежал обратно в кузню и вывалил перед Тундом содержимое.

— Пригодна ли плата? — спросил, переводя дух.

Годи неряшливо перебрал золотые и серебряные монеты, перстни и самоцветы, роскошным шёлковым платком вытер сажу с трубки, коснулся рубиновых чёток. Усмехнулся.

— Хрейна Кьяларсдоттир передаёт привет и поклон, — сказал Альвар.

— И ты кланяйся от меня матушке, — Тунд смёл сокровища, словно стеклянные безделушки, в кошель, и повесил на пояс, а чётки бережно положил в карман. — Я приму это как предоплату. В жертву храму Эрлинга от рода Фьёрса. Но в случае успеха цена будет иной.

— Назови, сколько ты хочешь.

— Не СКОЛЬКО, мой щедрый гость, а ЧТО, — без тени улыбки возразил Тунд. И в его голосе скрипели ветви Мирового Древа на

холодном ветру, и кричали ненасытные вороны, и торжественно завывали волки, и капала кровь с обагрённого копья, которым Эрлинг Всеотец принёс себя в жертву себе же. А в глазах колдуна клубилась тьма девяти осенних ночей, тьма тех глубин, куда уходят корни мудрости, тьма той бездны, что неведома людям.

Альвар молчал, охваченный ужасом и восторгом, и казалось ему, что на шею наброшена петля из хладных кишок мертвеца, и что настал час прокатиться на коне Повелителя Павших. А Тунд выносил приговор:

— Сегодня я отомкну святилище. И ты поклянёшься пред ликом Ужасного, пред его алтарём, залитым брагой жизни, поклянёшься на кольце и на крови, что исполнишь моё требование. Коль скоро всё обернётся удачно, и лебедь ожерелий ответит взаимностью на твою любовь, и родится у вас потомок мужского пола... Ты посвятишь его Эрлингу асу, Высокому, Мрачному, Седому, божеству войны, смерти и колдовства, покровителю скальдов и странников. Ты посвятишь своего сына Тому, Чьё тайное имя — Один, Одержимый, или падёт на тебя твоя кровь.

Что ты скажешь мне, сын конунга?

— Ты желаешь, чтобы я обрёл своего сына смерти? — тихо спросил Альвар. Сердце его сжималось от страха, в груди залёг озноб, а рёбра

покрылись инеем, но губы упрямо крошили слова. — Ты принесёшь его в жертву своему богу, зарежешь на алтаре, как барана? Как раба? Скажи, какой мне тогда прок в твоём совете?

— Я желаю, чтобы ты обрёк своего сына смерти, — столь же тихо отвечал хладнокровный чародей, — но я не стану резать его или душить — к чему такая жертва? Нет, мой несчастный гость, я один из последних годи, кто воистину знает, как посылать требы богам. Когда твоему сыну сравняется четырнадцать зим, приведи его сюда. Мы будем с ним беседовать. И если я сочту, что он годится, и он сочтёт, что ему годится мой бог, — я совершу над ним обряд посвящения. А потом пускай идёт, куда хочет и живёт, как хочет. Но во всех делах, начинаниях и странствиях с ним пребудет милость и проклятие Эрлинга. Тень ворона станет и его тенью. Понимаешь?

Отлегло. Стужа отпустила сердце, и оно забилося, как кузнечный молот, и вздох облегчения разорвал грудь молодого королевича, как гейзер раскалывает камень.

— Испугал ты меня, добрый хозяин, — признался Альвар. — Я понял. Я согласен.

— Ничего-то ты не понял, сын конунга, — отвернулся Тунд, глядя в пламя, — ну да это теперь не мои трудности. До вечера отдыхай, осмотрись тут, но в горы далеко не заходи: сюда забредают

варги. И кое-кто похуже.

— А если у нас родится дочь или вовсе никто не родится? — попытался пошутить Альвар.

— Ну тогда — да возьмут тебя тролли и твою любимую тоже, — прохладно молвил Тунд.

Тем же вечером Тунд облачился в ритуальные одеяния, открыл святилище, возжёг огни, положил на алтарь того самого барашка с золотым витком на загривке, который прыгал на белую тёлочку, зарезал его кремневым ножом, затем густо измазал кровью лик Ужасного и облил той же кровью нагого Альвара. Потом сделал надрез на правом плече сына конунга, смешал его кровь с бараньей и угостил смесью своего бога и своего гостя. Далее он снял с левой руки божества золотой браслет и вручил Альвару. И там клялся Альвар на кольце и на крови, что посвятит сына Ужасному, когда придёт срок, и Тунд Отшельник был свидетелем той клятвы, и богиня Вар незримо скрепила договор. И все в Гримхёрге знали, что святилище открыто, но никто не посмел приблизиться, чтобы подслушать да поглядеть.

Даже любопытный Флоки.

Нет нужды долго рассказывать, как жилось и работалось Альвару Свальвиндсону в Гримхёрге несколько ночей, как была изготовлена железная

маска, покрытая позолотой, оснащённая обручами, и как Тунд Отшельник заклинал её. Только дивились все, когда на десятое утро ходил по двору высокий статный юноша, схожий обликом с жителями Страны Заливов, а вовсе не с коротышками Двергар. А юноша только посмеивался. Но тени залегли под глазами, и никакая личина не могла бы их скрыть.

Тем же утром Альвар отправился восвояси. Тунд вышел его проводить.

— Скажу тебе в напутствие, чтобы ты помнил о судьбе Альвиса из сварфов, который сватался к дочери Тэора. Твой будущий тесть, конечно, не подобен Гневноревущему, да только и северяне куда как скоры на расправу.

— Я не отступлюсь, — отвечал Альвар, — и будь что будет.

— Как знаешь, — пожал плечами Тунд. И добавил, — надобно мне теперь предостеречь тебя, чтобы ты не попадался на глаза чародеям и ведьмам, а также жрецам этой новой веры Креста. Не знаю точно, насколько силён ли их Белый бог, но к чему искушать судьбу до срока.

— Мой поклон, добрый хозяин, — поблагодарил тенгильсон.

Альвар вскарабкался на козлиную спину, отъехал на пару шагов, и вдруг обернулся:

— А кстати, годи многомудрый, скажи, коль

знаешь: на какой вопрос Альвис не ответил Тэору?

— Точно никто не знает, — уклончиво молвил Тунд, но, видя, что Альвар не трогается с места, добавил неохотно, — говорят, что вопрос звучал так:

*«Молви мне, Альвис,
верно, все судьбы,
ведомы двергу:
какое сокровище
самое ценное
в разных мирах?»*

— Глупость какая-то, право слово, — пробормотал Альвар, сбитый с толку и потому несколько смущённый. — Ну, бывай, Тунд Отшельник, и многих тебе зим!

— Я доживу до четырнадцатой зимы твоего сына, — пообещал колдун, — не сомневайся!

«Тролли бы тебя взяли», — подумал Альвар.

Тунд ошибся. Мать узнала сына даже в чужеземном облике.

3

В ту пору на праздник Йолль в Сторборге, столице Западных Фьордов, принимали заморских

гостей. Прибыли и высокородные господа из Андарланда, родичи самого герцога Кено III ван дер Брока ¹⁰, и все подивились, как это они пересекли море в пору зимних бурь. А некий молодой человек весьма приятной наружности, бывший среди андаров, заметил на это:

— Не только среди вас, жителей фьордов, есть умелые мореходы!

Услышал это Арнкель конунг и спросил:

— Кто этот юноша, дерзкий в суждениях?

Хельмут ван Шлоссе, родич герцога, подвёл говорившего к королю и представил его.

— Сей достойный господин, — сказал Хельмут, — хоть и молод годами, но успел повидать мир и снискать славу в родных краях. Он хорошо показал себя на море и был у нас лейдсогеманом ¹¹.

— Как зовут тебя и кто ты родом? — сурово спросил король.

Лейдсогеман поклонился и сказал:

— Привет тебе, Арнкель конунг, и доброго здоровья! Меня называют Альдо ван Брекке, ибо я

¹⁰ Нет, Кено том Броку из Мариенхафе, тестю знаменитого пирата Клауса Штёртебекера, он никакой не родич.

¹¹ «Тот, кто говорит путь», от исл. *leidsögumaðr*, лоцман.

родился и вырос на этом острове, но говорят, что отцом моим был Хенгест ван Хальстер, хотя я и не знаю наверняка, так ли это.

— Вижу на тебе золотую цепь, — недоверчиво прищурился король, — и перстень с печаткой на пальце. Ведомо мне, что в ваших краях таковы знаки достоинства ярлов, но ты сам сказал, что не знаешь толком, кто твой отец. Так что же, признал тебя Хенгест ван Хальстер, или ты, ублюдок, нацепил золото просто для красоты?

Тут все замерли, потому что речь короля звучала хоть и спокойно, но грозно, и никто не стал бы заступаться за утборина. Молодой человек, однако, не растерялся.

— То правда, что я родился за дверью, не в королевских палатах, — говорил Альдо, бестрепетно глядя в глаза королю, но голос его дрожал от ярости, как натянутая тетива, хоть и едва заметно, — и юные годы свои положил на то, чтобы снискать честное имя. Много я странствовал, много я видел, сильных немало изведаль, и часто платил сталью, а не серебром. Перед смертью Хенгест ван Хальстер признал меня, когда прослышал о моём походе через Гаттен в Форнланд, хотя меня тогда не было подле него. Но люди его и все андары признали меня, и дома меня не зовут ни утборином,

ни тиборином, ни хрисборином ¹², ни какими иными именами для ублюдков. И цепь фюрста ¹³ я ношу по праву! Впрочем, нет у меня ни земель, ни добра на земле моих предков, и сплю чаще на корабле, чем под крышей.

— Чем же ты занимался в Форналанде, позволь полюбопытствовать?

— Иногда торговал, — признался Альдо, — а иногда грабил.

Король обвёл собравшихся тяжёлым взглядом, и вдруг расхохотался. Положил руку на плечо молодому фюрсту и сказал так:

— Так ты, стало быть, викинг и морской король? Славный юноша! Как узнать, годна ли сталь? Стукнуть по ней да послушать: коль звенит, знать, хороша! Ныне будь моим гостем и поведай нелживо о своих деяниях, потешь нас на пиру. Да не держи зла на старого конунга. Всяк ищет своего, сам понимаешь.

Альдо понимал. Он снова поклонился и вручил Арнкелю конунгу разные богатые дары, и

¹² Разные категории незаконнорожденных: буквально «рождённый за дверью», «...в углу» и «...в кустах».

¹³ Фюрст (нем. *Fürst*) — в классическом средневековье и позже — аристократический титул, «князь».

его людям, и жёнам при его дворе. И солнце сияло на лице Хельги Арнкельсдоттир, когда пригожий юноша поднёс ей витой браслет белого золота, и на пиру она не скупилась подносить ему пиво в хрустальной чарке, сидеть с ним и беседовать. И в сердце его сияло светило альвов...

...а позднеею ночью, когда утомлённые долгой дорогой гости отправились на боковую, Альвар Свалльвиндсон из Круглой Горы хотел содрать с лица ненавистную маску, вместе с кожей, ворочался на полати и не мог заснуть. И проклинал себя последними словами, презренный, за те речи, что довелось вести ему, отказываясь от своего родства, признавая себя ублюдком, сделанным в углу и рождённым за дверью, а не в чертогах Свалльвинда, короля сольфов. Ложь горчила во рту. И никакой хмель не перебил бы этот гадкий вкус.

Но ради улыбки Хельги Красавицы он был готов жевать и не такое дерьмо.

Отец был в ярости, когда узнал. Альвар сам всё ему рассказал, сразу по возвращении из Гримхёрга, в надежде на добрый совет, но Свалльвинд конунг разбил надежду, грубо и безжалостно, как молот разбивает причудливый витраж, казавшийся вечным. Он не кричал, не топал ногами, не брызгал слюной во все стороны, он просто говорил, ровно и негромко, лишь побледнел

сильнее обычного, так что давний шрам, память о последней войне, рассёк лицо багровой бороздой. Он ронял слова, а в сердце Альвара звенели, осыпаясь, цветные осколки. Застилая глаза серой свинцовой пылью.

— Ты, молокосос, даже и думать не смей про эту свою Хильду или как её там. Понял? Я не собираюсь потакать твоим прихотям, тем более — столь противоестественным. Какой прок нашему роду от этих северян? А законовед мне надобен. Потому ты женишься на дочери Фьялара Финнунга, и не позднее следующей весны.

— Думается мне, — сказал Альвар, — земля горит у тебя под ногами, когда ты так стремишься заполучить этого знатока законов в друзья.

— Спроси при случае Исвальда, — бросил король утомлённо, сел на престол и склонил голову.

— Ты, отец, несправедлив ко мне, — ровным голосом, безо всякой обиды, заметил Альвар, — ты до сих пор считаешь меня босоногим сорванцом, у которого в голове чайки нагадили. Между тем от меня могло быть и побольше толку. Коли бы я больше знал...

Свальвинд поднял глаза — серые, выцветшие, тусклые. Очень холодные. Словно скала над морем. Альвар только теперь заметил, как отец утомлён, угнетён сводом неба рода Фьёрсунгов, лежащим на его плечах. И как знать,

кто может подставить ему плечо на смену.

Скрипнула дверь. В зал совещаний вошёл, опираясь на красивый резной посох, статный бородатый муж, ещё не старый, но уже не юнец. Заметив короля, поклонился. Кивнул Альвару:

— Привет, братишка.

— Привет, Исвальд.

— Прикупили в Форналанде старого красного вина, — похвастал Исвальд, снял с пояса мех, наполнил кубок и протянул отцу, — вынеси суждение, кольцедаритель!

— Нет нужды, — ответил Свалльвинд, принимая чарку, — нечего праздновать.

— Тебе полезно для сердца, — сказал Исвальд, — а что тучи клубятся над Хрингхольмом, так это не первый раз, и, уж пожалуй, не последний.

— Просвети младшего, — указал король на удивлённого Альвара и пригубил, — скёлль! Недурно.

— Хэ, да ты ничего не слышал, пока торчал у Тунда? — усмехнулся Исвальд. — Народ на Северном Склоне не желает повиноваться и платить дань. Ими нынче правит Балин сын Фундина из рода Балина Первого, сына Ойна Праотца. Он отыскал какую-то ведьму, известную как Крака-вэльва, и вот эта самая Крака накаркала такого, что теперь не лопатами разгребать, а секирами...

При этих словах дёрнулось лицо у конунга, и он едва не выронил чашу. Но смолчал.

— Короче говоря, она объявила, что род Балина Первого старше рода Фьёрса Золотого, — продолжал Исвальд, — и потому должен править. Понимаешь, братишка? Править здесь, в Сольфхейме, вместо нас, и держать всё королевство, всю Сольфару ки. Чтобы на престоле Гульдскьяльв сидел не наш отец, не я и не ты, а Балин Фундинсон и его отродья! Вот к чему всё идёт.

— Погоди-ка, — покачал головой Альвар, которому слова старшего брата представлялись увлекательной игрой в тэфли ¹⁴, не более того, — с чего бы это Балингам лезть на Гульдскьяльв?

— С того, что Крака-вельва назвала на тинге ¹⁵ Северного Склона перечень предков Балина

¹⁴ Тэфли (тавлеи, исл. *töflur*) — игра наподобие шахмат, известная в Скандинавии и, видимо, Англии. Умение играть в тавлеи было умением благородных людей, так проверяли смекалку. Тавлеи, как и всякая игра, была не просто развлечением, но священным ритуалом. Правила игры, принятые в Эльдиноре, похожи на наши шахматы.

¹⁵ Тинг (исл. *þing*) — сходка всех свободных людей, институт так называемой военной демократии (вече у славян). На тинге решались главные вопросы на определенный момент, которые касались определенного округа или

Фундинсона, потом назвала перечень предков из нашего рода, и получилось так, что Балинги восходят прямо к Ойну Праотцу, а Фьёрсунги — не пойми кто, приبلудыши какие-то. Потому что, видите ли, род Двалина, старшего сына Ойна и Фары, прервался в горестные годы Храунлоги и последующих войн, а наш предок Фьёрс Золотой просто подсуетился...

— Хорошо сказано — подсуетился! — воскликнул Альвар возмущённо. — Да он спас народ от голодной смерти на свои деньги! Его мать была сестрой Вельи, жены Аина, последнего короля из рода Двалина, и Аин чётко и громко назвал его конунгом!

— Назвал, да только в обход Буи сына Балина IV, — заметил Свалльвинд.

— Так ведь этот Буи тогда пешком под стол ходил! — с жаром возразил Альвар.

— А это, видимо, не волнует ни Краку-вёльву,

местности (*херада, фюлька*), разбирались судебные тяжбы. Во время тинга, по идее, нельзя было воевать. Малые тинги собирались, естественно, чаще больших, общих. Парламенты Норвегии и Исландии до сих пор называются соответственно Стортинг и Альтинг, в память о давних демократических традициях Севера. Правда, при решении тяжбы прав обычно оказывался тот, кто мог привести больше родни либо подкупить лагемана (толкователя закона).

ни Фундинсона, — старший королевич шумно хлебнул прямо из горла и передал мех брату, — и радуется в этом деле только то, что у нашего Балина хватило ума не поднимать открытое восстание, а направить дело на альтинг будущим летом. А на днях гонец прислал письмо из Хлоргатта. Можно сказать, что там было, отец?

Король кивнул, потягивая вино.

— Этот «Дроттинг¹⁶ Балин XVI», как он себя называет, — пренебрежительно процедил Исвальд, сплёвывая слова, — этот горделивый сучий выпердыш — уж простите резкость! — предлагает нам мир и дружбу в обмен на признание его королём над Северным и Западным Склонами, а также Сольвиндалем. Как будто вся Сольфарики это наша собственность, и мы можем распоряжаться ей, будто мешком медяков или стадом овец! Тьфу!

— У нас чуть более полугода до летнего альтинга, сыновья мои, — Свалльвинд встал с престола, прошествовал к оконному зеркалу и достал роскошную грушевую трубку. Братья бросились набивать зелье и высекать огонь. Задумчиво задымив, король продолжал, — вот

¹⁶ Дроттинг — собственно, «дроттин», от др-исл. *dróttinn* — «господин, повелитель».

почему мне так важно заручиться поддержкой всех знатоков закона до этого времени. Поверь, мой добрый, мой родной Альвар, мне нет дела до твоих противоестественных увлечений, хоть бы ты был колдуном, или любителем домашнего скота, или даже мужеложцем. Но речь идёт о чести нашего рода, о нашей славе и добром имени, а ещё — о нашей несчастной родине, которая только начала привыкать жить без войны. Вы не помните, вас тогда не было на свете, а наше поколение пережило вторжение сварфов, мы дрались за Глоинборг и за Аурванг, а потом стояли при Маннторде, мы там стояли насмерть... я... я ничего им не забыл...

Голос повелителя сольфов задрожал, а в старческих глазах блеснули скупые слёзы, словно родник проклюнулся меж камней. Свалльвинд отвернулся от сыновей, не желая смущать ни их, ни себя. Сыновья молчали, опустив взоры. Оба хотели хоть чем-то утешить батюшку, но не смели: Свалльвинд Хёгнарсон из рода Фьёрсунгов хранил в сокровищнице сердце не только память и боль, но и страшную, бешеную, ледяную гордость. Об эту гордость можно было обжечься, как о солёный морской лёд, и оба Свалльвиндсона это знали.

— Ведомо ли тебе, Альвар, откуда у меня этот шрам? — спросил король, не оборачиваясь. — Вот оттуда, с Маннторда. Когда князьки из Верольд натравили на нас грэттеров, чтобы прибрать к

рукам наше золото. А теперь ты желаешь взять в жёны потаскуху из этого народа.

— Хельга не потаскуха, — тихо, но твёрдо возразил Альвар, — она дочь Арнкеля конунга из Вестандира, что в Стране Заливов. И, кажется, мы не с хлордами воевали.

— У себя дома она, наверное, благородная дева, — Свалльвинд снова задымил, чтобы справиться с дрожью в голосе и в руках, — но по сравнению с нами все Верольд — дикари и родичи краснозадых обезьян, что водятся в дальних странах на востоке. Все они — хлорды, алмарцы, борго и все прочие, — на одно лицо. Что проку от них.

— Но ведь мы нынче говорим как раз на языке хлордов, на Скельде, а своё Изначальное наречие забыли, — не сдавался Альвар, — они не столь скверны, как можно подумать.

— Они ещё хуже, — гневно бросил Свалльвинд, — и ещё неизвестно, кто кого научил говорить!

— Погодите, любезные родичи, — встрял Исвальд, становясь между ними, — сдаётся мне, я чего-то не знаю о своём милом брате! Ты, никак, влюбился в дочь Арнкеля, с которым мы торгуем?

— Так уж вышло, — пожал плечами Альвар.

— Ну ты и болван, — засмеялся Исвальд, — то дело позорное — овец покрывать.

— Не надо так говорить, сын мой, —
неожиданно вступился за младшего отец, —
наверное, не зря в «Поучениях Высокого» сказано:

*За любовь презирать
никто никогда
прочих не должен;
часто и мудрый
разум от страсти утратит,
то дураку невдомёк.*

*Не стоит судить
иного за то,
что с каждым случится;
станет глупцом,
кто мудрым прослыл,
от сильного чувства. 17*

— Только что с того проку, — угрюмо
повторил Свалльвинд.

Альвар молчал несколько мгновений, катая на
языке вино из меха и растворённые в нём слова,
затем задумчиво произнёс:

— А может, и будет прок. Двинем белую
ладью на левом фланге.

17 «Старшая Эдда», «Речи Высокого», строфы 93-94

Родичи нахмурились: отец — недоверчиво, брат — настороженно.

— Думается мне, что этот Балин многовато о себе возомнил, — Альвар подошёл к столу, на котором стояла доска для игры в тэфли, и начал двигать фигурки, выстраивая многоходовую партию, — вот у него есть Крака-вёльва, — взял чёрного советника и поставил так, что белый король оказался под боем, — а вот у нас есть, например, Фьялар-лагеман, — и закрыл короля белым советником, — и ещё есть пространство для отступления. А у него нет, чёрный король заперт собственным народом, и вот мы выводим ладью. Теперь чёрный король под боем, отступить ему некуда, прикрыться нечем: skák ok mát ¹⁸.

— Хм, — многозначительно высказался Свалльвинд. А Исвальд спросил, теребя кончик бороды:

— Откуда ладья?

— Из Боргасфьорда, — улыбнулся Альвар. И продолжил, — Балин полагает, сидя у себя во Вратах Грома, что он неуязвим, но если банда викингов с севера высадится где-нибудь на северо-западном побережье, хотя бы в Мовефьорде, пройдёт через Громовой Утёс и разграбит

¹⁸ «Шах и мат» (исл.)

Хлоргатт... Как думаете, родичи, качнётся под ним престол?

Исвальд и Свалльвинд переглянулись. Затем испытующе поглядели на Альвара. Младший полез в кiset на трубкой, молча улыбаясь.

— Ты мне на ухо скажи, — побледнев от гнева, прошептал отец, — а то я глуховат стал и плохо понимаю. Хочешь запустить чужаков, северян, паскудных вердов, к нам в подземелья? Раскрыть им тайный проход к нашим сокровищам?! Чтобы они там грабили и оскверняли чертоги наших соплеменников!? И всё от того, что тебе...

— Погоди-ка, отец, — вмешался Исвальд, — сдаётся мне, это неглупый замысел. Балин обгадится с перепугу, не посмеет ни чихнуть, ни пёрднуть, чтобы не вызвать твоего гнева. После того, как ты придёшь ему на помощь и накажешь предателя. Найдём же мы какого-нибудь предателя, верно? А старухе Краке — кол загоним в... э... глотку. Вот, мол, она своими речами навлекла на нас гнев богов и предков, которые наслали бурю с севера...

— Что в этом особенного? — спросил Альвар, глядя в глаза отцу сквозь клубы дыма. — Во время оно верды натравили на нас наших врагов, а теперь мы натравим на наших врагов самих вердов. А если их там перебьют, как в капкане, то поделом им.

Свалльвинд прищурился и долго смотрел на

сыновей. И — старый седой воин — сдался:

— Ты не мальчик-зайчик, Альвар, ты хитрый песец. Это мне по нраву.

— А про Фьялара не переживай, отец мой, — добавил Исвальд, — доверь это матушке. Уж она-то пристроит кого-нибудь из родни за эту Гнипу. Но как представить Альвара в Сторборге?

— Предоставь это мне, — махнул рукой Свалльвинд, — за нашего младшего поручится фюрст Хельмут из Шлоссе и сам герцог Андарский, коли будет надобно. Есть у рода ван Шлоссе передо мной должок, пусть платят. Исвальд, садись и пиши...

— Спасибо, отец, — Альвар ступил обнять старика, но Свалльвинд отстранил сына:

— День хвали к вечеру...

...Вечером был пир. И весьма весел был Свалльвинд конунг, пил без меры и щедро швырял музыкантам деньги да золотые перстни, а псам — объедки.

Гости из Андарланда сидели в Сторборге долго, до месяца Эйнуд ¹⁹, пока не вскрылся лёд на

¹⁹ Собственно, *einmánaðr* — «одиночный месяц», шестой зимний месяц исландского календаря, 10–16 марта — 9–14 апреля. Смысл названия не вполне ясен.

Боргасфьорде. Альдо ван Брекке отбыл раньше, после праздника Торраблот ²⁰. И все при дворе Арнкеля конунга очень опечалились, а ещё больше удивились — как ты, мол, собираешься выйти в море, когда фьорд замёрз? Альдо ничего не отвечал, только улыбался и заверял всех, что ничего с ним не случится: есть, мол, у меня карманный божок, я его накормлю да напою, и он меня выведет хоть из Нибельхейма.

— Покажи нам своего божка, — приставала Хельга и все девушки, а юноша смеялся:

— Поцелуете, покажу. Это большое божество и часто тянет мне карман...

Не укрылись от Арнкеля конунга те шуточки да прибауточки, не укрылись и взгляды, которыми обменивались его дочь и заморский красавец, но Альдо держался почтительно, как подобает благородному человеку, да и невелика беда, когда у красивой девушки много поклонников. Есть из чего выбирать. А Хельга Красавица была весьма переборчива. Сказать по чести, Арнкель конунг отчаялся найти ей жениха. Всех она отвергала: этот глуп, а тот заумен, этот урод, а тот слащавый

²⁰ *Þorrablót* — «Кровь (жертвоприношение) Торри (Тору?)», праздновался в конце января, в месяце Торри (*Þorri*).

красотун, этот дикий и буйный, а тот несчастный трус, этот заносчив, а тот заика, этот речист, а тот молчалив, этот жирный, а тот — как жердь, этот трясёт мошной, а тот — голодранец, этот безродный, а тот хвастает предками... Ни от кого не стерпел бы конунг Западных Фьордов подобной строптивости, а дочери не смел слова поперёк сказать. Ибо Хельга Красавица — всё, что осталось от покойной супруги конунга, Хильды Белые Руки, на кургане которой раз в году сидел старый король и плакал, обнимая рунный камень на вершине. Давно уже сожгли бело тело королевы, давно развеяли пепел над фьордом, давно насыпали курган, а боль всё точила сердце, вгрызалась, будто волны в прибрежные скалы...

Потому нет удивления, что Арнкель конунг разбаловал дочь до невозможности. И, надобно сказать, все при дворе только и мечтали, чтобы королева нашла себе мужа, да посуровой, который забрал бы её прочь, хоть на край света, и люди вздохнули бы с облегчением.

И потому нет удивления, что все так полюбили чужестранца Альдо.

Во время же праздника, когда могучий Сигвальд Сигвардсон, советник Арнкеля конунга и вдобавок местный годи, резал быка на алтаре Тэора и разделявал его тушу под задорную музыку, песнопения и возгласы восхищения, Хельга

шепнула Альдо:

— Может, и поцелую.

— Приходи после пира на конюшню, —
ответил тот.

И случилось так, что, пока в королевских палатах пили и гуляли, Альдо оседлал коня, посадил Хельгу вперёд себя и направился к берегу. Во тьме, сквозь метель. Она что-то спрашивала, он не отвечал. Только улыбался и касался губами её уха. В какой-то миг Хельга попыталась вырваться, но ничего у неё не получилось: дева угодила в железный капкан, руки, обнимавшие её тонкий стан, удерживали скакуна волн за удила-канаты, когда тот летел сквозь око бури. Хотела дочь конунга закричать, но вдруг прижалась к похитителю, нежно и доверчиво, не узнавая себя, не понимая, что это за незнакомое тепло в груди, что за сладкое, тягучее чувство внизу живота. Руки искали рук, уста искали уста. Ночь укрывала их густой шубой из мрака и снега, пока они ехали по льду фьорда в горы.

Там, в неприметной пещере, Альдо развёл жаркий огонь, расстелил на полу шкуры, завесил вход толстым шерстяным пологом и внёс Хельгу на руках:

— Здесь я живу, мой дом под землёй, мой двор под горой, и в нём я хозяин. Будешь хозяйкой?

— Ты безумец, Альдо ван Брекке, —

ослепительно улыбнулась красавица.

— То не диво, — отвечал юноша, — коли ты свела меня с ума.

Потом они пили вино — то самое, старое красное форнское вино, но страсть их была ещё пьянее и слаще. Альдо читал ей любовные висы — скверные, но искренние, — и гладил её густые медовые волосы, а Хельга мурлыкала, как кошка. Они беседовали, смеялись и обнимались до глубокой ночи, и жарко пылало пламя сплетённых тел, испепеляя сердца и сплавляя их воедино, чтобы оставить любовников на рассвете без сил — остывать, как зола прогоревшего костра.

Наутро Альдо спросил:

— Ну что, Хельга Арнкельсдоттир, хорош ли божок?

Хельга — продрогшая, всклокоченная, напуганная приливом неведомых доселе чувств — лишь фыркнула. Тогда Альдо достал из походной сумки ожерелье-хальсбанд из тончайшей золотой проволоки, искусно переплетённой с голубыми самоцветами вокруг округлой червонозолотой пластины с крупным бларстайном ²¹ внутри. Поднёс к лицу Хельги, удовлетворённо кивнул и

²¹ Бларстайн — досл. «синий камень», должно быть, лазурит, сапфир или аквамарин.

надел ей на лебединую шею.

— Вот тебе утренний дар. Под цвет твоих глаз. Обычно его платят после свадьбы, но мы слегка поторопились. Теперь собирайся и возвращайся к отцу, пока не хватились.

— А ты?! — вырвался крик.

— А мне нынче надобно исчезнуть, — грустно улыбнулся Альдо, — но приходи сюда каждые три недели, скажем, в Турдаг ²², и будем до времени держать наши встречи в тайне. А по осени я зашлю сватов. Как положено.

— Смогу ли дожждаться? — вздохнула Хельга, ощупывая подарок...

...Когда девушка на коне скрылась из виду, Альвар Свалльвиндсон снял-таки опостылевшую, ненавистную маску, и хотел было вовсе выбросить её, но сдержался. Спрятал личину в сумку, зажѐг факел и надавил на камень в углу пещеры.

В гостях славно, да дома не хуже.

Раздался хруст. Глыба отъехала в сторону, обнажив чѐрный зев подземного перехода. Слишком узкий, чтобы перемещать отряды воинов и торговые поезда, он годился, чтобы доставить колдовским способом несколько человек за много лиг пути. Подобными проходами был изъеден весь

²² Турдаг, день бога Тура/Тэора, — видимо, четверг.

Нижний мир, куда заказан путь короткоживущим Верольд: лишь двергам, да и то далеко не всем, была ведома тайна волшебных троп. Альвар окинул пещеру прощальным взглядом и шагнул во мрак. Домой.

4

Так и повелось: Альвар надевал личину, перемещался на север через Громовой Утёс, тайно, как он думал, встречался с Хельгой, и горя не знал. Свалльвинд конунг стягивал войска в Сольфхейм. Исвальд искал союзников на Западном и Южном склонах. Хрейна, жена Свалльвинда, хлопотала, чтобы выдать Гпину дочь Фьялара за Ауртни Ивальдсона, племянника конунга. Этот Ауртни был дурачок, но Альвар своей выходкой не оставил родичам выбора. Над Круглой Горой сгущались тучи, а над Громовым Утёсом гремел прибор.

Хельга хвасталась перед подружками своим поклонником. Причём не столько самим поклонником — красивым, обходительным, неглупым, отважным и решительным, — сколько богатыми подарками, которые он часто ей делал. То новый перстенёк, то браслет, то серьги, а то и височные кольца. Когда же её спрашивали — откуда, мол, он появляется, Хельга только шутила:

— В горах он живёт, его дом под землёй, а

двор под скалой, и в нём он хозяин.

— Да он, наверное, горный тролль, — усмехалась Гудрун дочь Фроди Скальда, вторая красавица Сторборга, — сделает тебе ребёнка с тремя головами и тремя жопами!

— Замучаешься ты, Хельга Красавица, пелёнки стирать! — вторила ей Катла Сигвальдсдоттир.

— Да что вы, — махала руками Тордис Кудряшка, — куда уж ей пачкаться!

— Вы мне, босоногие, стирать будете, — с прохладной улыбкой отвечала Хельга.

— Ох и будем, — кивала Тордис, — куда мы от тебя денемся...

А надобно сказать, что эта Тордис была из семьи поклонников Белого бога, которых заметно прибыло в Боргасфьорде за последние годы. Для них даже построили храм, церковь Святого Нильса, которую скоро должен был освятить знаменитый проповедник Карл Финнгуссон, в крещении — преподобный отец Кристофер. Его ждали к Бараньему дню. Ждала и Тордис.

Ей было что поведать преподобному Кристоферу.

Альдо ван Брекке открыто прибыл в Сторборг весной, накануне праздника Соммаркема. Никакой свиты с ним не было, зато было много подарков для

Аркеля конунга и его людей. Он много рассказывал о том, как живётся на юге, много пел, но мало пил, а на все расспросы, чего ради он прибыл, отвечал уклончиво. К недоумению и обиде Хельги, фюрст мало с ней беседовал, но девушка своих чувств ничем не выдала.

Лишь после праздника встретились они в своём потайном месте. Хельга сказала:

— Хорошая сегодня ночка. Жив ли твой божок?

— Ты сама можешь в этом убедиться, — засмеялся Альдо.

— Надобно усердно ему помолиться, — заявила Хельга, — потому что я хочу от тебя подарок на будущий Йолль.

— Разве мало я тебе дарил? — изобразил возмущение Альдо.

— Подари мне ребёнка к Новому году, — потребовала Хельга, — большего не прошу.

— Думается, то дело нетрудное, — отвечал Альдо, расстёгивая на девушке пояс, — хотя и придётся постараться, коли до сих пор зерно не проклюнулось.

— Так ведь была зима, — обольстительно улыбнулась Хельга, стаскивая с юноши рубаху, — а теперь Соммаркема. Лето пришло!

— Воистину пришло, — выдохнул Альвар...

...Позже оба они вспоминали ту прекрасную,

звёздную ночь, небо, усыпанное огнями, шёпот прибоя и горное эхо. Вспоминали, и плакали, и ненавидели тёплое, ласковое лето. Когда чувства пробиваются сквозь камни, как трава, и как о них можно изрезать душу, точно о травинки. В одиночестве. Даже через много зим.

В праздник Соммаркема, когда все пировали, Альдо попросил соизволения переговорить с королём и его советниками, кому он доверяет, с глазу на глаз. Арнкель конунг не удивился, позвал Сигвальда годи, Гудмунда Крепкий Киль, Ингмара Секиру и Фроди Скальда, и удалился с пира в зал совещаний. А в дверях поставил Трувара Отмороженного. О чём говорили мужи державные с юным фюрстом за закрытыми дверями, знал до поры только Трувар, но с ним лишний раз старались не заговаривать, ибо прозвище он получил не просто так.

А в месяце Сетрен, который ещё называют Стеккетид ²³, из Боргасфьорда вышел драккар с тремя дюжинами бойцов на борту. Хёвдингом был Сивальд сын Сигварда, а лейдсогеманом — Альдо ван Брекке. Корабль шёл на запад и, через

²³ *Stekktið* — «Время выгона ягнят» (исл.), второй летний месяц исландского календаря, 9-15 мая — 8-14 июня.

Хримсунд, на юг.

Тем же летом в Сольфхейме собрался альтинг. В просторном зале Тингахольт на сей раз не хватало места, столько прибыло народу. Стража у входа проверяла, крепко ли затянуты фридбанды ²⁴ на рукоятках мечей и секир и отбирала ножи. Мрачное пламя факелов бросало тени на стены, и недобрым огнём горели глаза собравшихся, хотя бородатые лица светились улыбками. Была там и Крака-вэльва. Тощая носатая старуха, замотанная в чёрное, она опиралась на клюку с вороньей головой в навершии, а две девушки носили за ней шкуру для сидения и сумку с разным колдовским барахлом. То были родные дочери Балина XVI сына Фундина из рода Балингов, которого теперь называли Балином Отважным. Ибо, как всем было ведомо, господин Северного склона самолично прибыл на альтинг, чтобы бросить вызов конунгу из рода Фьёрса.

Кроме того, в Тингахольте собрались все знатоки закона королевства Сольфару ки, чьё слово

²⁴ *Fridar-band* (исл.) — «ремни мира» на ножнах, особым образом удерживавшие меч, чтобы нельзя было быстро его вытащить. Эта мера предосторожности была нелишней, если учесть вспыльчивость северных людей. Расчет был на то, что взясь с ремешками, можно задуматься и остыть, отказаться от намерения покалечить обидчика.

весило хоть полмарки. Самый уважаемый среди них был Фьялар Мудрый, в алом бархатном камзоле и фиолетовом плаще, и все знали, что он держится нынешнего короля. Вторым после него лагеманом слыл Исмунд Ёдирсон со двора Бьяргастад в Сольвиндале. Одни звали его Исмунд Хладнокровный, а другие — Исмунд Справедливый, и никто не удивился, когда он сел в первом ряду на стороне Балина. Зато все удивились, когда прибыл с Гримхёрга старый Тунд годи Эрлинга. Ровно поприветствовав Балина и Свалльвинда, он скромно присел на заднем ряду, где стояла бочка пива, пил и играл в тэфли со всеми желающими, и было похоже, что собственно тинг мало его занимает.

Люди заметили, однако, что Хрейна Кьяларсдоттир подошла его поприветствовать. Они обнялись, как старые добрые друзья, и Хрейна спросила, мол, как дела, почтеннейший.

— Конь моря скользит по китовой равнине, — отвечал Тунд, — и волки битвы скоро станут резать овец подземелий, драть с них руно огня прилива. Ведёт их золоторогий баран, обликом схожий с сынами людскими. И думается мне, белая тёлочка, дочь орла котлов, скоро от него понесёт. Вот любопытно, что получится, Хрейна кона?

— Спасибо тебе за всё, годи Эрлинга, — королева с чувством сжала руку старца.

— До вечера далеко, — нахмурился Тунд, хотя глаза его улыбались.

Балину Фундинсону донесли о том разговоре, однако ни он, ни Крака ничего не поняли.

На тинге разбирали только одно дело: должен ли род Балингов править сольфами. Много, до хрипоты, спорили, угрожали, проклинали друг друга и всячески поносили. Сравнивали перечни предков. Ломали словесные копья, имел ли право Аин конунг называть своим преемником Фьёрса Золотого в обход малолетнего Буи Балинга. Исмунд Справедливый напирал на то, что по нынешнему праву назначенный преемник должен править до совершеннолетия законного наследника. После чего представить королевского отпрыска на тинг для утверждения на престоле и либо отойти от дел, либо остаться советником при юном короле. Фьялар возражал, что в те времена такого закона не было, и Аин решил по древней правде, как должно. Исмунд напомнил, что уже были случаи, когда решения по древнему праву пересматривались. Тогда Фьялар с усмешкой заявил, что раз уж браться пересматривать старые законы, то не вспомнить ли Завещание Праотцев, по которому короля следует выбирать всем народом? Исмунд побледнел, но сказал, что, видимо, к тому всё идёт, и следует теперь спросить у самих этелингов Свалльвинда и Балина, по нраву ли им такое

решение, и подчиняться ли они воле народа. Тут все зашумели, и одни говорили, что это старый и дурацкий обычай, по которому всегда выбирают на трон дуралеев, а другие кричали, что хватит с них всякой высокородной сволочи.

Кто знает, не кончились бы прения кровавым побоищем, но вдруг врата Тингхольта распахнулись, и в зал влетели три человека вида жалкого и ничтожного. Были они бледны и перепуганы, хрипло дышали и не могли прийти в себя. Им поднесли пива и спросили, откуда они и какое у них дело, что они смеют прерывать альтинг. Один из них снял шляпу, прополоскал пивом горло, сплюнул и поднял глаза на Балина Фундинсона.

Балин смотрел на него и не мог узнать. Ибо то был Вали Добрый, советник, которого он оставил старшим во Вратах Грома. Вали обвёл взглядом собрание и сказал гробовым голосом:

— Хлоргатт пал!

Так получилось, что пока дроттинг Балин XVI Отважный Фундинсон и лучшие его люди готовились сражаться на тинге за трон, беда пришла, откуда не ждали. Банда викингов из Страны Заливов проникла тайным ходом в Хлоргатт и устроила там резню. Верды разграбили сокровищницу Балингов, убили всех, кто стоял на пути, забрали запасы еды и ушли через

Хлордабрекк. В Мовефьорде их ждал корабль. Как удалось им пройти Заливом Чаек, миновав рифы и мели, такая же тайна, как и то, каким образом они проникли в подземелье.

Все застыли, онемели, окаменели от горя. А потом Тунд Отшельник вышел и взял слово:

— Внемлите мне, священные роды, великие с малыми Ойна потомки! Нелживо скажу: кара свершилась! Каркала Крака, накаркала бурю. Эрлинга вороны, Гримнира волки из фьордов пришли, гости с севера, гости недобрые. А кто их позвал? Кого покарали боги и предки? Мало удачи у Балингов рода. Скверно хранили их дисы, духи разгневаны, счастье прогнило, пламя потухло. Через гордыню твою, Балин дроттинг, наказаны люди. Кровь их на тебе! Да нет ли на тебе крови, Крака вельва? Не в сговоре ли ты, не получила ли долю?!

— Как ты смеешь, престарелый дурак! — закричала Крака. — В голове твоей плесень!

— А выйди сюда, ведьма, коли посмеешь! — гневно воскликнул Тунд.

Крака с кряхтеньем поднялась и заковыляла к престолу закона. Рядом шла одна из дочерей Балина. Тунд сказал:

— Отойди, девушка, не пачкайся о кровь.

— Нет на мне крови, Тунд Безумец! — замахнулась клюкой старуха, но годи Эрлинга

провёл рукой над ней, и голова вороны в наверху посоха ожила. Хриплым криком исходил посох, кровь и чёрная желчь струились изо рта птицы, заливая ведьму. Злобная, перепуганная, перепачканная, Крака отбросила палку, вцепилась когтями в бороду Тунда:

— Проклятый ублюдок, гнить тебе заживо, как ты это устроил?!

Колдун схватил её за шкуру, как паршивую собаку, и прошептал на ухо:

— Что Балин посулил тебе за помощь? Хочешь, я всем расскажу?

Крака отшатнулась, упала, и не спешили дочери Балина ей на помощь. А Тунд указал на копошащиеся изгвазданные лохмотья:

— Боги вынесли суд. Гнев Эрлинга на вас!

Тогда дроттинг Балин XVI Фундинсон — такой гордый и отважный — встал со своего места, прошёл через весь Тингхольт и со слезами повалился в ноги Свалльвинду конунгу:

— Не проклинай меня, державный владыка! Защити моих людей! Не дай погибнуть от голода!

— Что, Балин, — усмехнулся Исвальд, — лопнуло твоё дело?

Свалльвинд отвесил ему лёгкий подзатыльник, поднял Балина с колен и обнял его.

— Ты родич мне, — прошептал король, — хоть и дальний. Я этого не забывал.

Вот так и кончился тот тинг, прозванный Скорбным, ибо все опечалились участи жителей Хлоргатта. А что сделали с Кракой вельвой, здесь не сказано. Но надо заметить, что лишь Тунд Отшельник оплакивал её со словами: «Всё могло быть иначе, милая моя Ворона».

Ещё говорят, что позже Хрейна спросил Тунда:

— Как так получилось так, что Краку предал её же посох?

— Нетрудно ответить, — грустно улыбнулся годи, — многие считают Эрлинга несправедливым богом, но его справедливость отлична от нашей. Он покарал бедную старуху за жадность. Уже давно птицы доносили до меня слухи, что Балин хочет отдать чужакам земли в Овечьей Долине, в Сольвиндале и на Круглой Горе, чтобы купцы из Верольд завели тут хозяйство и — в конечном итоге — прогнали нас. Я уже видел это. Раньше. Они бы тут никого не оставили. Крака захотела кусок этого пирога. Вот ведь старая дура.

— А зачем бы Балину так поступать? — удивилась Хрейна.

— Блеск Золотого престола ослепил его. Жажда власти делает из нас троллей. Из всех нас.

А струг под управлением Сигвальда Сигвардсона направился из Мовефьорда дальше на юг, через пролив Гаттен в Тарнское море. Викинги пограбили немного на тамошних берегах и повернули назад. Задержались ненадолго в Броквене, при дворе герцога Кено Андарского. Громко хвастали, как разорили подземную сокровищницу коротышек-двергов, и как Альдо им в этом деле подсобил. Когда же юношу спрашивали, откуда, мол, тебе столько ведомо о тайнах двергов, тот менялся в лице, мрачнел, словно осенние воды, и тихо говорил:

— У меня были не самые плохие наставники.

— Да ты не колдун ли случаем? — полушутливо спрашивали его.

— Был бы я колдун — уж верно, не скитался бы по морям да по заливам...

...На север возвращались уже на двух кораблях: викинги — на драккаре, Альдо же с фюрстом Хельмутом ван Шлоссе — после них, на клабате. При входе в Боргасфьорд повстречался им пузатый кнорр с крестом на парусе. Сигвальд хотел было по привычке его разграбить, но оказалось, что там едет Карл Финнгуссон, проповедник, которого ждали в Сторборге.

— Твоё счастье, что Арнкель конунг столь веротерпим, — хищно оскалился Сигвальд годи.

— Напротив, — безмятежно возразил Карл, — меня весьма печалит его терпимость к вам, поклонникам асов. Да и сам он язычник, и мне жаль, что душу его не спасти.

— Уж не задумал ли ты нас окрестить? — захохотал Ингмар Секира.

— В этом деле всё зависит от вас, — серьезно отвечал Карл.

— А может, протащить тебя под килем, чтобы не умничал? — спросил Гудмунд Киль.

— На всё воля Божья, викинг, — пожал плечами Карл, — только вот не знаю, под чем тебя протащит Арнкель конунг, когда проведает о твоём гостеприимстве.

Моряки рассмеялись — такой ответ пришёлся им по нраву — и Сигвальд сказал:

— Пусть ваш кормчий правит за нами.

Что же дальше? Викингов встречали радостными возгласами, ибо близился Свидар, День Бараньей Головы, середина месяца Ольвар, когда люди приносили благодарственные жертвы за урожай и говорили: «Зима пришла! — Воистину пришла!», а ночью девушки гадали на женихов. Впрочем, уж одной-то девушке гадать не пришлось: ибо андары на клабате прибыли не просто так, а сватать Альдо ван Брекке за Хельгу Арнкельсдоттир.

Здесь надо сказать, что Хельга к этому времени ходила тяжёлая, и последняя мышь под половицей знала, кто отец. Большого позора в том не было, ведь, опять же, последняя мышь знала, что случится с Альдо ван Брекке, с Хельмутом ван Шлоссе и, как знать, со всем городом Броквенем, столицей Андарланда, ежели прыткий фюрст не признает ребёнка и не зашлёт сватов. И Альдо оправдал все надежды: свадьбу договорились сыграть в скорейшем времени.

— Да чего тянуть, — предложил Фроди Скальд, — прямо на Свидар и женитесь.

А когда преподобный Кристофер предложил обручить их по ионитскому обряду, молодые отказались: Хельга — с презрительным фырканьем, словно породистая кобыла, Альдо же вовсе отвернулся от священника, и потом говорили, будто бы в глазах его промелькнул испуг. Что было странно: ведь не дрожали же его руки в подземелье dwarгов!

Потом на пиру викинги раздавали подарки и рассказывали о походе, Альдо любезничал с Хельгой, а Карл Финнгуссон отправился в новенький храм — помолиться. Но спокойно поговорить с Отцом Небесным ему не дали:

— Преподобный, исповедай меня!

— Как тебя зовут, дитя моё?

— Тордис Кудряшка, в крещении —

Аннэ-Марика.

— Отраднo видеть рвение к вере в столь юном возрасте. Ну, слушаю...

...А по окончании исповеди Карл Финнгуссон, весьма повеселевший от услышанного, перекрестил Тордис со словами:

— Во имя Отца, и Сына, и Духа Святого, отпускаю тебе грехи. Аминь.

— Спасибо, преподобный, — поклонилась девушка. И спросила, — а что теперь с ними будет?

— Всё в Божьей деснице, — уклончиво отвечал священник, — но вот что я должен знать, дитя моё: кому ты ещё об этом говорила?

— Ни душе, святой отец, — Кудряшка честно захлопала ресничками.

— Точно ли это? Смотри же, не говори и дальше, пока я не разрешу. Так ты сможешь помочь всем наилучшим образом, в том числе — и этим несчастным грешникам. Иди с Богом.

Вот настал праздник Вентракема. Люди в Сторборге готовились к попойке и гуляниям, принарядились и выкатили бочки свежего эля. При дворе короля суетились слуги, выметали сор, мыли полы, скоблили столы, оттирали сажу, кололи дрова, возились на кухне. Музыканты настраивали арфы, скрипки и волынки, скальды мерялись кённингами, гости слонялись по замку и

обменивались новостями. Хельга со своими эскмэй²⁵, придворными девами, прихорашивалась к свадьбе. Альдо беседовал с Фроди Скальдом о поэзии. А Карл Финнгуссон, улучив момент, взял под локоток фюрста Хельмута и, проникновенно глядя ему в глаза, прошептал:

— Я всё знаю о вашей маленькой авентюре.

— Не понимаю, о чём ты, святой отец, — холодно процедил Хельмут.

— Ложь есть великий грех, — пожурил его Карл, — как и жадность. Но если кто-то пожертвует золото на здешний храм Святого Нильса, Господь будет милосерд. Что такое какая-то сотня гульденов для такого человека, как ты, герре Хельмут?

— Наслышан я о тебе, Карл Финнгуссон, — Хельмут с отвращением сбросил руку проповедника, — о твоей алчности, о твоих выходках и о твоей жажде власти. Потому, как сказал Йон Спаситель Дьяволу в пустыне: отойди от меня, искуситель.

— Помилуй тебя Господь, сын мой, — сокрушённо покачал головой преподобный.

А вечером по всему городу зажгли огни.

²⁵ Собственно, «эскисмэй» (исл. *eskismey*) значит просто «служанка».

Люди толпой валили к открытому святилищу старых богов за свадебным поездом: и язычники, и крещёные иониты. Всем было любопытно, всем хотелось поглядеть на молодых да погулять на свадьбе. Подворье капища было уставлено столами со снедью и бочками пива. Невесту везли на колеснице, скрыв прелестное личико под шёлковой накидкой, а жених уже ждал возле резных храмовых столбов. Встречал свиту невесты сам Сигвальд годи в рогатом шлеме и в шкуре вепря:

— Что за деву везут ныне в Альхёрг?

— Везут белорукую Фрейра невесту, — чинно отвечал возница, — Хельгу Красавицу, дочь кольцедарителя! Здесь ли жених? Готов ли выкуп?

— Здесь жених, Альдо ван Брекке, — отвечал Сигвальд, — и выкуп готов: сотня гульденов червонного злата! Кто примет выкуп? Кто вручит невесту?

— Я мунд возьму и невесту вручу, — выступил Арнкель конунг в белом наряде и алом плаще.

— Кто ты таков и какого ты роду? — грозно спросил годи.

— Отец я невесты, — молвил тот, — зовусь я Арнкетиль, сын я Арнгрима и Арнкеля внук! Славен мой род меж людьми Вестандира, и слышали обо мне в землях далёких. Предки мои сели здесь королями, властвую здесь по закону и

праву! Дочь моя королевского роду. А ты кто, жених?

— Альдо зовусь меж сынами людскими, — поклонился фюрст, — не рода я асов, не рода я ванов и альвам не родич, но всё же я прибыл сюда из-за моря за тем, что обещано.

— Быть посему! — провозгласил годи.

Затем жрец принял у жениха увесистый мешок и с поклоном передал конунгу. Тот встряхнул кошней: монеты зазвенели, толпа отозвалась восторженным криком. Арнкель подал руку дочери, ссадил её с колесницы и подвёл к Альдо:

— Вот я вручаю тебе руку моей дочери, а сердце её, думается, и так уже твоё.

И отвернулся: смахнуть скупую слезу.

Тут торжественно заиграли вистлы и волынки, Сигвальд годи повёл молодых к алтарю Фрейра и Фрейи, где их ждали священный перстень клятвы да хрустальная чаша тёмного пива, хмельного, сладкого и горького, как сама супружеская любовь. Помощник жреца поднёс каменный молот — осенить новобрачных, чтобы богиня Вар услышала и подтвердила их клятвы.

Сигвальд по обычаю сказал:

— Прежде чем Альдо и Хельга скажут клятвы и выпьют из кубка судьбы, надобно выяснить, нет ли какой причины, чтобы им не заключить союз.

Если кто-нибудь из тех, кто здесь собрался, знает такую причину, пусть скажет немедля, или же молчит до гибели мира!

Над Боргасфьордом легла такая тишина, что был слышен прибой, и даже неугомонные морские птицы молчали. Два удара отмерило сердце Альдо, пока не раздался недобрый звук.

— Кхе-кхе, — многозначительно сказал Карл престур.

— Да, крестовый жрец? — поднял голову Сигвальд. — Тебе есть что сказать?

— О да, добрые люди, — вышел вперёд преподобный Кристофер, — и не только мне.

С этими словами Хельмут ван Шлоссе начал тихо пробираться к выходу.

— Сей добрый юноша — явно не тот, за кого себя выдаёт, — начал престур, — ибо я бывал при дворе в Хальстере, и там никто о нём не слышал. Впрочем, это было давно, и всё могло измениться. Но скажите мне, добрые люди, как может человек ходить по морю зимой, когда бушуют бураны и мёрзнут прибрежные воды? Как может человек подолгу скрываться зимою в горах? Да, ведомы случаи, когда изгнанникам удавалось долго жить на пустошах, но чтобы при этом сохранить благопристойный внешний вид, да ещё и баловать любимую дорогими подарками — воистину, тут не обошлось без колдовства.

Тут Хельга нахмурилась под вуалью, ибо часто задавалась она подобными вопросами, но почитала их до поры делом пустячным. Альдо же словно окаменел, и дорого ему стоило не выказать тревоги. Сигвальд годи спросил:

— Что же тут такого, пусть жених и колдун? Я знаю многих чародеев, и не все они паскудные мерзавцы, в отличие от вашей ионитской братии. Да и где доказательства? Кто свидетель?

— Есть у меня и свидетель, — улыбнулся Карл, — пусть выйдет сюда йомфру ²⁶ Аннэ-Марика и расскажет, что видела.

Тогда вышла Тордис Кудряшка, которая нынче утром помогала Хельге делать причёску, поклялась на кольце и на кресте говорить правду, и молвила застенчиво:

— Не проклиняйте меня, добрые люди, за недостойное дело, ведь я люблю нашу Хельгу и хотела ей только добра! Как-то я пошла за ней по берегу фьорда и в горы, и увидела, что в пещере, на входе, её встретил этот юноша, Альдо ван Брекке. Ну, потом... гхм...

— Смелее, дитя моё, — ободрил девушку престур, — тут нечего стесняться.

²⁶ Йомфру — обращение к незамужней девушке в Норвегии.

— Я... я сидела в зарослях можжевельника, пока Хельга не поехала назад. А Альдо провожал её. Потом он исчез. Я поднялась за ним. В пещере было плохо видно, но мне показалось, что он коснулся лица и как бы сменил облик. Потом он отодвинул камень в скале и исчез за ним. Там был потайной ход, но я не могла его открыть. Это всё, что я видела...

— Да что ты брешешь, как последняя сука! — вскричала Хельга, сорвала пышный головной убор и швырнула в лицо Тордис. — Никто тебя не хочет, вот ты и оговорила нас!

— А не ты ли, Хельга Красавица, хвастала перед нами новыми подарками от своего милого? — язвительно спросила Гудрун дочь Фроди. — Тут каждая это подтвердит!

— Так ли это? — сурово спросил Сигвальд годи свою дочь Катлу.

— Да, это так, — кивнула та, а с ней и прочие служанки.

— Кто ж ты таков, Альдо ван Брекке? — нахмурился Арнкель конунг.

— Я говорил уже, — бесстрастно молвил юноша, стоя навытяжку перед сотнями глаз, — и нет охоты повторять до десять раз. А ты, проповедник, испытай меня, коли можешь!

— Воистину, нет ничего проще, — с этими словами преподобный осенил Альдо крестом,

окропил святой водой из фляги и произнёс нараспев, — во имя Отца, и Сына, и Духа Святого, во имя Господа Нашего Йона Распятого, именем ратей небесных, именем Святого Никласа, и Святого Мартена, и Святого Йорга, и пророка Хелье, и архонта Микаэля, — изыди, языческое колдовство, сгиньте, чары, прочь отсюда, злые духи, и да помогут нам боги старые и новые! Властью, данной мне свыше, совлекаяю покровы: явись же в истинном облике, гость подземельный!

И не успел Альдо понять, в чём дело, Карл ухватил его за уши, сорвал с него маску и тут же отбросил её, тряся обожжёнными пальцами. Мрак и туман окутали юношу, а когда мгла рассеялась, возле алтаря, возле Хельги Красавицы стоял бородатый носатый карлик ростом ей по пояс. Девушка зашлась диким воплем и рухнула в обморок, отец едва успел её подхватить.

— Дверг! Это дверг! — стоголосо зашумела толпа. Воины схватились за оружие. Сигвальд искал взглядом андарскую свиту жениха. Убитый горем отец невесты судорожно обнимал дочь и не мог вымолвить слова. Проповедник Карл Финнгуссон, преподобный отец Кристофер, глядел на это дело и печально улыбался. Трувар Отмороженный развязал ремешки «добрых намерений», расчехлил секиру и занёс уже оружие над несчастным коротышкой, но годи остановил

его:

— Здесь храм всех богов, и я тут хозяин! Кто бы он ни был, но мы ходили с ним на одной ладье, бились плечом к плечу, ели и пили за одним столом. Не дозволена вам его кровь! Никто не смеет его тронуть! — громогласно возвестил Сигвальд, и никто не мог сказать, что не расслышал запрета. — Я присуждаю его к позору и изгнанию.

— Спасибо, — едва слышно молвил дверг.

— Я узнал тебя, Альвар Свалльвиндсон, — прошептал в ответ Сигвальд, — а теперь пошёл прочь отсюда, ты, маленький мерзавец!

В глазах сурового бородатого героя стояли слёзы.

Альвар подхватил проклятую маску и побежал из зала со всех ног. Толпа расступилась, вдогон ему летели оскорбления и проклятия, пинки и плевки, тухлые яйца и гнилая репа, которые всегда наготове у добрых людей. Ещё вчера каждый из них за честь почитал поздороваться за руку с Альдо ван Брекке. Но Альдо не стало, Альдо погиб под крестным знаменем, а подземный коротышка был всего лишь презренным изгнанником.

Карл Финнгуссон удовлетворённо кивнул и незаметно направился следом за беглецом.

У входа в пещеру, где сто зим назад миловались Альдо и Хельга, изгнанника ждал Тунд

Отшельник с факелом. Он заметил тень, что крадась за королевичем с обнажённым мечом. Когда Карл настиг Альвара у горной тропы, Тунд вышел им навстречу:

— Что тебе надо ещё от этого юноши, крестовый жрец?

— Пусть выкупит свою жизнь! — торжествующе скалясь, Карл приставил меч к горлу Альвара. — Пусть отдаст колдовскую личину, заплатит сто марок серебра и откроет тайну подземелья!

— Да ты жрёшь в три горла! — расхохотался Тунд. — Иди-ка отсюда, пока цел.

— Клянусь, я его зарежу, а потом и тебя, поганое ублюдце!

— А говорили, что иониты проповедуют любовь и прощение, — годи Эрлинга воздел руки к небу и закричал так, что эхо содрогнуло горы и море:

— Чайки и враны, полные яда! Вырвите очи брату барана! Брату барана с крестом на крестце! Чайки и враны, полные яда! Вырвите уши брату макаки! Брату макаки в терновом венце!

И откуда ни возьмись налетели птицы, пронзительно крича и хлопая крыльями. Чайки и вороны набросились на проповедника, метя в лицо клювами и когтями. Карл выронил меч, завопил и кубарем покатился по склону. Птицы вились над

ним, как над тушей кита, выброшенной на берег. Тунд поглядел на это и плюнул:

— Пусть бы ты себе все кости переломал, старый козёл, — а затем обратился к Альвару, — эх, говорил же я тебе, чтобы ты держался подальше от этих ионитов!

— Ты знал, что всё так случится? — севшим голосом спросил Альвар.

— Подозревал, — кивнул Тунд, — и молился, чтобы норны соткали другой узор.

6

Печальным получился праздник Вентракема в том году. Арнкель конунг был вне себя от горя и гнева. Никто ещё так его не бесчестил. Сгоряча хотел выгнать Сигвальда годи за то, что тот заступился за мерзкого карлика, но люди его отговорили. Всю зиму копил король злость и обиду, а по весне собрал войска и отправился походом в Андарланд. Он бы и в Белые Горы полез, чтобы добраться до проклятых коротышек, но свежа была память о битве при Маннторде, где полегли гордые рыцари-хауки. Потому решил отомстить тем, кому мог. Тем, кто поручился за обманщика Альдо. И горел Шлоссендорф, и падали мёртвые с обеих сторон, и не верил Арнкель оправданиям фюрста Хельмута, и выкуп взял не серебром, а кровью.

Потом, не утолив до конца жажду мести, напал на Броквен, столицу Андарланда, и там погиб, а вместе с ним и лучшие его люди: и Гудмунд Крепкий Киль, славный корабел, и Ингмар Секира, и Фроди Скальд, и даже Трувар Отмороженный. Только Сигвальд Сигвардсон вернулся из того похода. Потому что кто-то же должен был наставлять сыновей конунга, которых отдали на воспитание в Аскефьорд ко двору тамошнего ярла.

Доверить это дело Карлу Финнгуссону он просто не мог.

Проповедник, надо сказать, основательно осел в Сторборге. Мунд за Хельгу, сто червонных гульденов, король той же зимой отдал ему на храм. Карл престур богато отделал церковь Святого Нильса и заложил в горах монастырь. Женский. Имени Девы Марики. Тордис Кудряшку прочили в настоятельницы, невзирая на юный возраст.

Правда, теперь преподобный Кристофер нечасто показывался на людях: не хотел смущать прихожан страшными шрамами, что избороздили его лицо. Глаза у него, правда, остались в целости, но при падении священник сломал руку, ногу и пару рёбер. Кости к весне срослись, но с той поры святой отец опирался при ходьбе на посох, а к старости не мог удержать перо, поэтому за ним записывали служки. Об этом мы ещё вспомним.

А что же Хельга, прекрасная Хельга, свет

земной и небесный? Увы! Потускнела её красота, выцвела, облетела вмиг, будто порыв безжалостного северного ветра оборвал листья с яблони. Таков был её позор, что хотела утопиться, но Карл Финнгуссон ей отсоветовал. Она приняла крещение и ушла в монастырь. Прочь с глаз людских, в которых отныне мнились ей отравленная жалость да едкие насмешки. Но перед тем она с помощью известных средств избавилась от плода и приказала скормить его собакам.

А надо сказать, что роды помогала принимать Катла, дочь Сигвальда годи, которую позже прозвали Катла Добрая. Долго думала, стоя за дверью покоя, что ей делать с этим копошащимся кусочком окровавленного мяса у неё на руках, и решила, что собаки обойдутся. Пускай кости грызут. Но и оставить ребёнка ни себе, ни у чужих людей не решилась. И сделала так, как поступали в голодные годы: обмыла младенца, завернула в одеяло и вынесла в сумерках в горы. Там, на голой скале, она и оставила крошку, положила рядом с ним оберег — костяную фигурку в виде лемминга — и покинула берег с тяжёлым сердцем.

Да только волны, бившие в прибрежные камни, были тяжелее.

Не слышала Катла Добрая сквозь грохот прибоя и вой наступающей бури, как пронзительно-тонко вскрикнул в нищенской

колыбели брошенный сын королей.

7

Никто в Сольфхейме не обрадовался, что свадьба сына конунга завершилась изгнанием и позором. Однако по трезвому размышлению все пришли к выводу, что торговля в Боргасфьорде, в общем-то, убыточна, на островах и в Хлордвике можно наварить и побольше. Да и в прочих странах есть открытые гавани.

Отец ничего не сказал. А брат настороженно спросил:

— Тебя кто-нибудь узнал?

— Только Сигвальд годи. Но, думается мне, он болтать не станет.

— Хорошо бы.

И больше об этом не говорили.

Альвар сделался замкнутым и молчаливым. Его часто видели со служанкой Финдой, и никого это не удивило. Дочь Аки теперь не насмешничала, и её освободили от части работ. А уж о чём она беседовала с королевским сыном, здесь не сказано.

Хрейна Кьяларсдоттир опечалилась больше других. Она винила себя за недобрый совет обратиться к Тунду Отшельнику. Годи Эрлинга, кстати, гостил тогда в Сольфхейме, играл в тэфли с королём да вспоминал старые дни, посасывая

трубку у камина. Утешать и обнадеживать Хрейну он не стал, сказал только, что благодаря её младшему сыну всё закончилось как нельзя лучше. Королева не поняла. Тунд пояснил: мол, Северный склон надолго притих.

— Какое мне дело до Северного склона, — вздохнула Хрейна.

Однажды, по прошествии двух недель после возвращения Альвара, на северных морях разразилась буря. То было не дивно: ведь настал месяц Рёммнир, Ревущий, иначе именуемый Фрер — Мороз. Было дивно то, что Тунд отыскивал младшего королевича, когда тот сидел у очага, пил горячий заморский *чоколатль* и читал какую-то книгу. Годи сказал:

— Вставай ныне, Альвар. Не такое теперь время, чтобы рассиживаться у огня! Кровь твоя взывает о спасении сквозь бурю, или ты не слышишь?

Сын конунга отложил книгу и поднял на колдуна грустный взгляд.

— Что ты смотришь на меня, как тот баран на белую овечку? — грозно сверкнул глазами Тунд. Альвар отшатнулся, опрокинул чашку, обжёгся, но не мог вымолвить ни слова — так напугал его облик жреца. Тот продолжал:

— Ты, видать, не помнишь, какую клятву дал

в Гримхёрге? Тебе напомнить?

— Что здесь происходит? — строго спросила Хрейна у дверей.

— Ничего особенного, — криво усмехнулся Тунд, — просто у тебя родился внук, Хрейна конна.

— Так ведь рано ещё, — опешил Альвар.

— Точно в срок, — возразил Тунд, — он там сейчас умирает. Иди и принеси мне его, сын конунга!

— Но...

— Я освобождаю тебя от клятвы, — махнул рукой Тунд, — забудь, глупости это всё. Просто знай, что у тебя теперь есть сын, а долго ли он протянет, не моя забота. Твоя.

— Ступай, сын мой, — Хрейна хотела приказать, но голос сорвался, и вместо повеления вышла мольба, — не лишай меня радости!

— Быть посему, — молвил Альвар с тяжёлым сердцем.

Он нашёл орущий свёрток на скале, на самом краю пропасти. «Какой болван его здесь оставил», — подумал Альвар в сердцах, наклонился и поднял с земли то, что было его сыном. Откинул уголок одеяла. Не сдержал улыбки, глядя на сердитую мордочку. Затем бросил взгляд на горы и бурное море, заметил тусклые огни там, где был Сторборг, и тёплая улыбка сменилась на его лице

новой, горькой ухмылкой. Он сказал:

— Идём отсюда, дружок. Здесь нам больше нечего делать...

...Хрейна плакала от умиления. Не могла оторвать от себя крошку, чтобы передать кормилице. Исвальд, улыбаясь, похлопал брата по плечу:

— Да, сварганил ты мне племянника! Благодарю, думал, не дождусь! Как ты его наречёшь?

— Хёгни, — отвечал Альвар, — в честь Хёгни Альвирсона, нашего деда.

Свалльвинд конунг прохладно удивился:

— Сколько ж это ему?

— Семь месяцев, — сам не веря, сказал Альвар. — Без малого.

— Как только он жив?

— Он ведь из рода dwarves по отцу, — заметил Тунд, — этот нас всех переживёт!

И, надо сказать, эти его слова сбылись, хотя и вовсе не так, как думалось Тунду.

— Спроси меня, Тунд, что спросил Тэор Альвиса, незадачливого жениха.

— Изволь, Альвар Свалльвиндсон.

*«Молви мне, Альвис,
верно, все судьбы,*

*ведомы двергу:
какое сокровище
самое ценное
в разных мирах?»*

— Таков будет мой ответ:

*«Мудрость — у ванов,
радость у альвов,
власть — у людей,
злато у двергов,
доблесть у асов,
покой — в Нибельхейме».*

— Поздно же ты догадался, сын конунга.

— Может быть. Но знаешь что, Тунд Отшельник? Это всё ерунда. Счастье — вот самое ценное сокровище в разных мирах. И, думается, теперь я владею этим сокровищем.

— Странно слышать такие речи. Не много ли ты заплатил?

— Иные платили и дороже.

Прядь 2: Клятва умскиптинга

...дети карликов назывались «умскиптингар», они обычно были слабы и глупы.

Бенджамин Торп. «Нордическая мифология»

*В 1541 году доктор Лютер упомянул этот предмет за столом, добавив, что он говорил принцу Ангальта, что таких детей следует топить. Его спросили — почему он даёт такой совет? Лютер ответил, что по его твёрдому убеждению эти дети представляют собой только куски плоти, *massa carnis*, поскольку в них нет души.*

Там же²⁷

1

Теперь надобно сказать в двух словах, как велось да жилось недоношенному королевскому ублюдку в Круглой Горе.

Собственно, среди dwarves никто не назвал бы Хёгни Альварсона ублюдком. Свалльвинд конунг признал его своим внуком и пообещал ввести в род Фьёрсунгов на седьмую зиму, хотя и без особой радости. Владетельный дед относился к нему

²⁷ В обеих цитатах речь идёт о подменышах, детях карликов, которых они подбрасывают христианам.

прохладно и редко называл по имени. Куда чаще звал внука «умскиптингом», и звучало это слегка пренебрежительно.

Никто, кроме верхушки королевской семьи, не знал, кто истинные отец и мать малыша. Для всех он был подкидышем, которого подобрали в горах по жалости. Это было безопасней всего: так никто не связал бы Альдо ван Брекке, открывшего викингам тайных проход в Хлоргатт, и тенгиля двергов Альвара. К тому же, своим милосердием королевская семья приятно удивила подданных. А относились к чаду так, как подобает относиться к потомку тенгиля.

Хёгни рано научился говорить, притом вполне осмысленно. Терпеть не мог, когда его сюсюкают, качают или поют колыбельные. Зато обожал громкие военные песни да непристойные висы, на которые придворный скальд Раги Пузо был превеликий мастер. Этот Раги, в общем-то, и научил малыша говорить. Первое слово, какое вымолвил Хёгни, было, да простит меня благовоспитанный слушатель, «Крак-мудак». Краком звали какого-то слугу, с которым Раги повздорил. Уж так вышло, что Хёгни громко произнёс это на празднике Соммаркема, и сие столь всех позабавило, что ни сквернослову Раги, ни самому Хёгни не стали пенять, а за Краком с тех пор закрепилось весьма звучное прозвище.

Первый же вопрос, который задал Хёгни своей бабушке Хрейне, звучал так:

— Кто такой Умскиптинг?

А поскольку сей вопрос был тесно сопряжён с извечным вопросом о том, откуда берутся дети, и, в частности, откуда взялся сам Хёгни, то можно представить, как нелегко пришлось королеве Хрейне. Хоть она любила и баловала замковую детвору, свою и чужую, но могла проявить и суровость. И проявила, поведав малышу жестокую правду о том, кто его мать, как его отец познакомился с ней и чем обернулось всё это дело. Наверное, это было не слишком разумно, надеяться, что малец не разболтает, но отчего-то Хрейне показалось совершенно необходимым открыть внуку эту истину. Тогда Хёгни спросил:

— А я вам чужой, да?

Хрейна поразилась, с каким спокойствием и рассудительностью этот карапуз воспринял её рассказ и как чётко и тщательно подбирал слова. Потом подумала: дескать, внук ещё слишком мал, чтобы по-настоящему что-либо понимать, вот и не особо переживает. Но цепкий взгляд серо-зелёных глазёнок, наследие северных предков, хищников моря, тронул испугом душу королевы. Хрейна погладила внука по голове как могла ласково:

— Ты ИМ чужой. Наверное. А нам ты никакой не чужой. Я твоя бабушка и я тебя люблю.

И твой отец, и тётя Финда, и дядя Исвальд, и все здесь тебя любят. Потому что ты наше дитя, а мы не бросаем детей, ни своих, ни чужих. Так, наверное, принято на Севере и в других краях, а у нас не принято. — Потом подумала и добавила, — только Крак тебя не любит, потому что твой язык слепил ему скверное прозвище. Коли ты ещё станешь повторять за Раги всякие глупости, я сама помою тебе рот с мылом. И ему помою!

— Тогда, конечно, я буду говорить всякие глупости, — пообещал Хёгни, — хочу поглядеть, как у Раги рот будет с пузырьками. А почему король называет меня «Умскиптинг», а другие — нет?

— Потому что он король, — усмехнулась Хрейна, но глаза её были печальны, — короли часто дают своим людям всякие прозвания. Но он ещё и твой дед. И то, что он зовёт тебя именем для подкидышей, вовсе не значит, что он тебя не любит.

— Он король, — возразил Хёгни, — он должен хорошо править, а не любить меня. Да?

«И это ведь ему только три с половиной года», — подумала королева со страхом и гордостью.

А Хёгни помолчал и сказал так:

— Ну это ничего. Я тоже люблю тебя, бабушка Хрейна. Да-да. Я всех вас люблю...

...И все платили Альварсону той же монетой.

Даже Финда дочь Аки, которая стала ему как бы мачехой. Как бы — потому, что хоть она и жила с Альваром как жена, но женой ему вовсе не была: Альвар не платил за неё мунда, не взял приданого и не вручил «утренний дар». И уж тем более не засылал сватов к Аки карлу и не считал его родичем. У младшего тенгильсона вообще сильно испортился нрав за последнее время. Он стал много пить и сделался нелюдим, но всё же любил сынишку, хоть тот и напоминал сыну конунга о боли и позоре.

При дворе в Сольфхейме вообще воспитывалось тогда много малышни. Как отпрыски высоких этелингов, так и отродья челяди да прочих свободнорождённых. Даже дети немногочисленных невольников бегали со всеми, когда не бывали заняты в помощи своим неудачливым родителям. В те времена считалось, что благодаря этому люди будут смолоду чувствовать себя единым народом и станут более справедливо относиться друг к другу в зрелых годах. Однако на деле неравенство давало себя знать и в детских играх: трэлинги играли трэлей ²⁸ и получали самые обидные клички, этелинги же

²⁸ Трэль (исл. *þræll*) — раб, невольник. Трэлинг, стало быть, потомок раба.

играли этелингов и носили благозвучные прозвища. Впрочем, Хёгни ровно держался и с теми, и с другими.

Потому что заметно отличался и от тех, и от других.

Дело в том, что потомки dwarves были, как правило, крепенькими упитанными карапузами с широкой костью и смалу проявляли привычку к силе, тогда как Хёгни пошёл в мать, а она, как уже было сказано, происходила из краткоживущих Верольд. Поэтому сын Альвара вытянулся и поумнел быстрее сверстников, но заметно уступал им в силе и частенько бывал бит. Он не обижался. Он их всех любил. Да и дети dwarves, странное дело, не измывались сверх меры над долговязым заморышем. Тем более, что он придумывал самые увлекательные игры, самые смешные прозвища и самые опасные проказы.

Кьялак дворецкий его за это ненавидел, но уж это были его дворецкие трудности.

Особенно сдружился Хёгни с двумя трэлингами, Бьяргой и Бюггви, детьми Боги невольника. Этот Боги обнищал и продал себя в рабство, чтобы прокормить семью, как, увы, иногда случалось у dwarves. Хёгни очень их жалел, потому что им редко удавалось поиграть в прятки,

догонялки или «Жриговно!»²⁹ с остальными: они должны были помогать на кухне, скрести чаны да выносить помои, а это трудное и вонючее дело. Как-то после большого зимнего пира Хёгни по глупости вызвался им помогать, и впервые в жизни получил по заднице отцовским ремнём, а дед Свалльвинд на это сказал: чего, мол, ещё ждать от умскиптинга. Но Хёгни было всё равно: пролаза спёр у Раги Пузо полмарки серебра из тех, что скальд получил за песни, и отдал брату с сестрой в обмен на смешную картошку, похожую на человечка. Картошка³⁰ скоро сгнила, но дети раба положили в копилку какую-никакую монету, чтобы однажды выкупить свободу.

По всеобщему мнению сын конунга так ловко всё обстряпал, что за ним закрепилось прозвище «Лемминг». Хёгни очень этим гордился.

Раги же сделал вид, что ничего не заметил, но позже подстерёг воришку:

— Ты должен мне полмарки! Стребовать их у твоего отца?

²⁹ Элементарные правила благопристойности запрещают мне приводить здесь правила этой игры.

³⁰ Да, все в курсе, что картофель завезли в Старый Свет из Нового в позднем средневековье, но автору всё равно.

Тут у Хёгни засвербел битый зад, и он сказал:
— Делай со мной что угодно, но не говори отцу!

— Отработай, — предложил Раги.

— Что мне сделать? — насторожился Хёгни.

— Скажи вису, — потребовал скальд.

— Сколько у меня времени на раздумье?

— Нисколько.

Хёгни понял, что толстяк не шутит, почесал в затылке, походил туда-сюда, и вдруг выпалил:

*Ражий Раги Пузо
Местью мне грозитя,
Жалко полумарки
Скальду-рунопевцу!
Налакался браги
На пиру наш Раги,
Купят серебром его
Трэлинги свободу.*

Раги долго смотрел на сына конунга. Затем покивал и сказал, не улыбаясь:

— Наверное, от тебя стоит многого ждать в будущем, раз ты не только уже умеешь складывать висы, но и знаешь, как привязать к себе людей. Но позволь дать тебе совет, Хёгни скальд: выбирай союзников тщательнее. Бывает, что от раба проку больше, чем от свободного, но тут всё зависит от

того, кого и как ты используешь. Рыболовный крючок не годится, чтобы ковырять в носу, а ложкой не нарежешь мяса.

— Спасибо тебе за урок, Раги Бримирсон, — в свою очередь поклонился Хёгни.

В тот миг он радовался, что так легко отделался, но позже часто вспоминал слова скальда.

В остальном же Хёгни был тихим, послушным и любознательным ребёнком, все его любили и всё у него было хорошо.

До тех пор, пока однажды, годков этак в шесть, он не увидел Море. Не услышал его властный и вечный зов. Не полюбил всем сердцем серый бескрайний простор.

Возможно, ему было бы лучше ослепнуть да оглохнуть.

Впрочем, может, и нет. Сказано ведь: «доли своей наперёд кто не знает, живёт без забот». ³¹

2

Тем летом Альвар с домочадцами отправился на Белый Склон, что к западу от Круглой Горы — порыбачить да ветром подышать. Хвитахлид, собственно, не был склоном: эта гора над морем

³¹ «Старшая Эдда», «Речи Высокого», строфа 56.

больше походила на многоступенчатый треугольный пирог, в широких ступенях которого и жили люди. Там хорошо ловилась треска, зубатка и скумбрия, а также кальмары и крабы, а иногда южным ветром заносило здоровенных морских черепах. Жители собирали морскую соль, коптили и солили рыбу, а в тёплое время сдавали приезжим свои хижины да лодки. Вездесущие чайки тонко кричали и гадили на головы, а проворные бакланы воровали улов. Бродячие сказители из Овечьей Долины собирались вечерами у костров и развлекали народ музыкой, песнями и сагами. Словом, это было место, где никто не знал слова «скука».

Летом, во всяком случае.

— Кто это там поёт? — спросил Хёгни на выходе из подземного перехода.

— Море, — сказал Альвар, грустно глядя на сына, — волны бьют в берег.

— Красиво, — заметил Хёгни.

Благородное семейство разместили в подобающем пещерном чертоге, но на море в тот день было решено не ходить: штормило. Хёгни стало нудно, и он ускользнул из-под присмотра. Шёл на звук, стараясь не слишком бросаться в глаза. С неба капало, но не сильно. Ветер крепчал, приятно холодя кожу. И жизнь была — в целом — прекрасна.

А потом Хёгни Альварсон вышел-таки на берег.

И — впервые на своей памяти — увидел Море.

Равнина кита, лебединая дорога, путь чайки, простор волн, бездна древних, котёл бурь, чертоги кракена, залы сельдяных королей, кубок крови Бримира, соль исполинов, седина богов, чаша слёз матерей, поле стругов, лес мачт, гибель моряков, курган вечной славы, — так скальды называют эту стихию. Но не было у Хёгни слов, чтобы высказать чувства, нахлынувшие на него с прибоем и затопившие душу до самых краёв. Не знал сын короля, как наречь великолепие штормового моря. Гулкий голос пучины властно отзывался в сердце. Пенная кипень заливала подножье горы. Тёмные кони бежали железным полем, трясли белыми гривами, раскатисто ржали, а сквозь грохот прибоя слышался торжественный рокот арфы, пение ледяного рога. Бескрайний простор сливался с небом на виднокрае. В свинцовом месиве метались чайки, сновали кайры, бакланы и тупики, тёмный поморник высматривал поживу, гневно склонил главу орёл-рыболов. А вот рванула из глубин струя гейзера — то кит, морской великан, восстал из пучины, озирая владения. Мелькали среди серых валов полуспущенные паруса и гордые носы кораблей: рыболовы и просто смельчаки тешились

битвой с волнами. Где-то там пели русалки-ульдрен, перегоняя свой синий подводный скот, резвились бородатые ноки и вигтрольды, могучие хникары в подобиях тёмных лошадей мчались на берег, гудели струны на арфе тролля-фоссегрима. Лихо плясали среди волн великанши, дочери Ран и Эгира, сёстры Кольги, готовили сети — ловить утонувших моряков. Сизая хмарь заливала небосвод, ветра рвали в клочья кобальтовые тучи, смешивали обрывки неба и моря, продувая Хёгни насквозь, выстуживая детские рёбра.

А сердце его глухо стучало в такт ударам прибоя.

И холодный серо-зелёный простор разлился в глазах. Навеки.

— Когда ты родился, штормило сильнее.

Хёгни вздрогнул. Обернулся. Батюшка стоял рядом, курил трубку и грустно улыбался.

Они долго так стояли, молчали и глядели на море. Отец и сын. Дверг и дитя рода людей. Такие разные и такие похожие. Оба королевского рода. Оба — прирождённые моряки и бойцы. Но если отец не нашёл на лебединой дороге ничего, кроме боли, позора да вот его, сына, то для Хёгни море было началом солёного, холодного и бескрайнего пути, на котором нет иных спутников, кроме ветра и звёзд, а наградой станут мозоли на руках и на

душе, да солнечный блеск на лезвии меча. Хёгни заврожено глядел на бурлящую сталь океана и не смел дышать, а Альвар всё всматривался в лицо сына, надеясь, что ему лишь мерещится жадный огонь в морской глубине глаз — единственного наследия Хельги Красавицы.

— Однажды, отец, я уйду из дома, — тихо и жестоко сказал Хёгни, — я стану моряком. Викингом. А потом вернусь с добычей из похода. Ты будешь мной гордиться. И в этом я клянусь.

«Ты не вернёшься», — горько вздохнул Альвар.

Семья провела на море всё лето. Альвар нанял рыбацкую клябату, и отец с сыном неделями пропадали на тресковой дороге. Шторм, штиль — всё едино. Исходили под парусом и на вёслах всё побережье, от Хвитахлида до самого Гламмвикена, и обратно, вдоль гряды Вестбард, вонзившей в воду когти коварных рифов. Удили рыбу, пекли её на скалах и бросали обглоданные хребты чайкам. Учились плавать на глубоководье — впрочем, не слишком удачно: из dwarves скверные пловцы. Зато повеселились. Хёгни, правда, научился хотя бы держаться воде. Видели кита и громадную черепаху, похожую на плавучую гору. Мальчишки были в восторге: и сам Хёгни, и Сваллин с Ивальдом, племянники Альвара, и дети челядинцев

— Моди, Магни, Эрп, Нали, да и сын владельца корабля, юный, но смышлёный Ильме Тьяльдарсон, позабавился.

Альвар же глядел на парнишек с неизбывной светлой печалью. Всё-то у них было впереди — и поражения, и победы, и позор, и слава. Хотелось бы ему гордиться каждым из них, как гордился Свалльвинд конунг своим старшим сыном Исвальдом, да только сердце его ведало цену и горечь той гордости. «Эк я постарел да обабился», — думал Альвар с усмешкой.

А под конец этого счастливого лета несчастный зад Хёгни снова попробовал отцовского ремня. Вышло это так. Детвора отправилась купаться, но не под надзором взрослых, а сами по себе. Моди придумал прыгать в воду со скал. А скалы там были одна выше другой. Залезть на кручу — уже подвиг, а сигануть оттуда — вовсе бессмертное деяние. Хёгни лазал и прыгал наравне со всеми, чтобы его не прозвали маменькиным сынком или тем словом, что потешно рифмуется с именем «Крак». Но на самую высокую скалу никто не полез. Даже пытаться не стали: одно дело — отвага, другое — вылавливать из моря труп. А Хёгни вызвался.

— Тот не зовётся леммингом, кто не прыгает в море с обрыва, — важно изрёк он к ужасу и

восхищению всей банды. Отговаривали его мало и неохотно.

Что же дальше? Вскарабкался, хотя пару раз чуть не сорвался, потом оглянулся, помахал рукой остальным, которые с этакой верхотуры казались фигурками для игры в тэфли, потом к ужасу своему заметил, как приближается ещё одна фигурка, и не пешка, а король. Сваллин-таки не выдержал, побежал ябедничать отцу. Позже его поколотили, невзирая на высокий род. Однако то было позже, а тогда Хёгни проклял всё на свете и своё упрямство прежде всего. Но коль уж назвался леммингом, изволь прыгать.

И Хёгни прыгнул, сложив руки лодочкой и тонко пища боевой клич викингов:

— ХЭЙ-ЙЯ!!!

Наглотался воды, чудом не разбил голову об острый риф, напугал до полусмерти донную камбалу, барахтался по-собачьи, пока не прошёл звон в ушах, и нехотя поплыл к берегу.

— Идём, — просто сказал Альвар, расстёгивая ремень.

Следует отдать ему должное: не стал пороть сына при всех. Ведь Хёгни был не просто оболтус: он был оболтус из рода конунгов. Альвар рассудил так, что боль пойдёт ему на пользу — пусть привыкает, коль хочет зваться викингом, а позорить сына ни к чему. Сам нахлебался этого пойла в

славном городе Сторборге.

Но — до самого дома не сказал сыну ни слова.

Малявка Хёгни вырос в глазах остальной детворы на пару голов. Его теперь называли не иначе, как Лемминг Белого Склона. Начитанный Ивальд пошутил: мол, лемминг — это звучит гордо! Хёгни, как положено герою, делал вид, что это не такое уж большое дело и хвалиться тут нечем, но в душе был ужасно доволен собой. Хотя, конечно, и грустил, что так опечалил отца.

«Ничего, — утешался сын хёвдинга, — когда я вырасту, то совершу кучу подвигов, обо мне станут петь песни и рассказывать саги, и отец меня простит. Наверное».

Где ему было знать, что Альвар не держал на него зла, а только очень испугался, как не пугался ещё никогда. Даже когда бежал, презренный, из храма в Сторборге и чувствовал у горла хлад меча доброго проповедника Карла Финнгуссона. За себя не страшно. Страшно за других.

3

В том же году на зимние праздники случилось в Сольфхейме важное дело. Во-первых, Свалльвинд конунг сдержал слово и ввёл семилетнего Хёгни в род Фьёрсунгов. Этим обрядом открылся Йолль — чередá могучих, весёлых и страшных новогодних

попоек. Перво-наперво забили чёрного бычка-трёхлетку и сшили из его кожи здоровенный башмак. Под торжественную музыку, в багровом свете факелов, король Круглой Горы надел тот башмак и сделал девять шагов. Затем снял и передал Альвару, а тот — сыну. Хёгни тоже нацепил обувь и зашагал, стараясь не споткнуться и следя, чтобы башмак не слетел с ноги. «Такой сапог впору великану, а не леммингу, — подумал он, — в нём уместится мышьяная семья, и ещё место останется». На девятом шаге Хёгни сбился, подвернул ногу, едва не рухнул, но в последний миг устоял. Тут все радостно засвистели, приветствуя нового родича, а дед сказал:

— Теперь ты ступил по моему следу, умскиптинг, и, стало быть, ты мой наследник. Не слишком задирай свой конопатый нос, и получишь что-нибудь из моего наследства. А кстати, чего бы тебе хотелось? Ну, кроме престола, конечно!

Хёгни подумал-подумал и спросил:

— А есть ли у тебя корабль, Свалльвинд конунг?

Все захохотали, а дед покачал головой:

— Корабль? На горе? Сильно ж ты ударился об воду, как я погляжу! Впрочем, юноша, придёт срок, и будет тебе ясеновый олень волн. Это я могу обещать!

Хёгни торжественно приложил руку к сердцу

и низко поклонился:

— Благодарствую, Свалльвинд конунг!

— Иди сюда, морда ты разбойничья, — улыбнулся дед и крепко обнял внука.

Вот тут уж Хёгни удивился. Но виду не подал.

Во-вторых, тогда же Свалльвинд конунг отрёкся от престола и возвёл на Гульдскьяльв своего старшего сына, которого уже называли Исвальд Суровый. Ради такого дела вина заказывали из южных стран, а пиво — настоящее вересковое пиво! — везли из пивоварни Дори Струвинга в Норгарде, знаменитой, пожалуй, на все девять миров ³². Слуг на кухне загоняли до изнеможения, и даже Бюгви с Бьяргой сделались чумазыми, как маленькие тролли. Хёгни утешал их, что, мол, не век же праздникам длиться, но едва ли они его понимали. Пригласили ко двору толпу музыкантов и сказителей, и вообще было так многолюдно и шумно, что Круглая Гора ходила ходуном. Хёгни тоже сказал на пиру несколько вис и ему дали дурацкую золочёную шишку. Её было хорошо швырять в обнаглевших мышей.

Свалльвинд конунг сказал:

³² Дори с Зелёного Двора в Норгарде был отцом Турлога и дедом Снорри Путешественника на Запад. О нём есть сага, также известная под названием «Край твоих предков».

— Стар я стал, болят мои кости, череп трещит, плечи устали. Вот я снимаю кольцо и корону, вот я кладу жезл власти, вот я с престола схожу. Ныне будет вам владыкой Исвальд, мой сын. Довольны ли вы? Подходит ли вам такой конунг?

Тут все принялись спорить, и одни говорили, что — да, вполне, а другие гневно вопрошали, чем же знаменит сей муж. Тогда Раги Пузо произнёс предлинную хвалебную песнь-драпу, которая хоть и нелжива, но не то чтобы очень хороша, и мы не станем её повторять. Люди ещё немного пошумели, как положено, а потом стали требовать Исвальда на трон. Тот отказался. Его снова потребовали, и он снова отказался: мол, я недостоин, зовите другого. Позвали третий раз, и тут уж пришлось подчиниться. Стражи забарабанили рукоятями мечей и секир об щиты ³³, горнисты затрубили в рога, Исвальда хёвдинга подняли на щит и протянули ему кольцо на острие копья. Все разом смолкли, а сын Свалльвинда поклялся на кольце и на крови, что не посрамит славы предков, станет править в Сольфари ки по закону, слушать советников и мудрых людей на альтинге, не поскупиться на еду и серебро, не отвергнет гостя,

³³ Этот странный обычай назывался вапнатак (исл. *vápnatök*), «одобрение/благодарность оружием».

не предаст родича, но всегда защитит свой народ, его закон и обычай.

Затем его отнесли на щите к престолу и помогли спуститься. Лагеман Фьялар Мудрый засвидетельствовал, что отныне Исвальд Свалльвиндсон зовётся конунгом и записал его в перечень королей Сольфари ки. Лишь тогда Исвальд поднялся по ступенькам и занял Гульдскьяльв, священный трон, отделанный золотом и самоцветами. Высоко поднял чёрную чашу Свартискёлле, изделие молодого мастера Гельмира Гульденбарда, обвёл властным взглядом зал и молвил:

— Приветствие верным! Скёлль!

Так началось правление Исвальда Сурового, и не шатался под ним престол, и сидел он на земле своих предков сто зим, и ещё пятьдесят, и ещё девять. А чем кончилось его княжение, тут не сказано, ибо это было большое и скверное дело ³⁴.

Для Хёгни же на той пирушке началась поручения, долгого и упорного — изучения людей, их обычаев и законов, языков и верований, повадок и привычек. И надо сказать, что сын Альвара не

³⁴ Об этом можно будет почитать в сказании «Век бурь», если оно будет переведено.

бросал своих занятий, сколько был жив. Ибо мудрость житейская — большое богатство, сокровище бедных и тех, кто забрёл далеко на чужбину.

Раги Пузо учил его читать и писать — как рунами, так и литерами, что в ходу у южан, а также слушать речи людей и складывать кённинги, сочинять висы, ниды и драпы, да и просто вести толковый разговор. Ну, с этим у Хёгни ладилось, язык оказался подвешен куда как неплохо. Дочь Фьялара Мудрого, Гнипа, что жила в Сольфхейме с Ауртни Дурачком, учила детей dwarves закону. Законам и обычаям других народов Хёгни учил сам Альвар. Он же наставлял сына в науке землеописания, истории Сольфару ки и прочих земель, а также в разных ремёслах, основах торговли, составлении и чтении морских карт. Дедушка Свалльвинд играл с внуком в тэфли, чтобы тот учился шевелить мозгами, по-прежнему звал его умскиптингом, хотя теперь это звучало беззлобным подтруниванием, и держал наготове можжевеловую трость: стукнуть ученика, если тот промешкает с ходом.

Основам же военного дела молодёжь обучал Бомбур Старый, который помнил и вторжение кобольдов, и штурм Лунной Башни, и битву с драконом Градвитниром, и ещё много чего. Безжалостно гонял парней по горам, заставлял

таскать тяжести, швырять камни, драться на кулаках и на дубинках, ездить верхом — на козле, разумеется, причём Хёгни достался самый брыкливый, — обращаться с ножом, добывать огонь и прочим премудростям походной жизни. Всех ребят жалели мамки да бабки, а Хрейна не жалела Хёгни, как не жалела прежде и сыновей. Обливалось кровью сердце, вспоминая жалкий кусочек мяса, принесённый Альваром с утёса, но уста хранили молчание.

Когда же Финда раскудахталась, увидев багровый синяк на плече пасынка, Хёгни бросил небрежно:

— Не делай во лны, ты мне не мать, и это не твоя печаль, а сюсюкать будешь своё отродье.

Финда обиделась и нажаловалась Альвару. Тот лишь пожал плечами:

— Не дело грубить женщине, Хёгни, но и ты, Финда, виновата. Впредь будешь думать головой.

Хёгни хотел сказать, что где уж этой прислужнице носить в голове мозги, у неё голова — холм жухлой травы, но пожалел кённинга на мачеху. Да и волосы у Финды были хорошие, густые и пушистые, подобные налитой ячменной ниве, а вовсе не сухой траве. Впрочем, где уж было Хёгни ценить женскую красоту. Этому его не учили.

Так или иначе, а к четырнадцати годам сын

Альвара знал едва не наизусть «Круг Земной» Рёммара Странника, «Историю Алмара» Аэльреда Великого, «Песни Земли» Сэмунда Мудрого и «Песни Моря» Снорри с Эрлингсея, «Книгу о занятии Хвитафьёльда» Финна Фроди, много разных саг и прядей, неплохо запомнил кое-что из книг южан, мог растолковать их «Послание», хотя и называл его «тягомотной тягомотиной». Считал Хёгни не так хорошо, но пару раз обыграл деда в тэфли, к превеликому удовольствию обоих. Бомбур также хвалил его: пусть умскиптинг и не так силён, как должно, но весьма проворен, быстро бегают, ловко ходит на лыжах, даже умеет плавать, как предки его матери, а вынослив, как и прочие. Это ему перешло от горных предков отца.

4

Когда Хёгни сравнялось двенадцать, Альвар отвёз его в Гламмвикен. Это была бухта и заодно столица королевства Гламмфольд, жители которого слыли лучшими корабелями и мореходами среди dwarves. Залив частично уходил под гору Глоинборг. Там, в крепких высоких гротах, умельцы-гламмы строили надёжные суда, большие и малые. Оттуда, из-под мрачных и величественных сводов, выходили на лебединую дорогу ладьи, подобные птицам, и отправлялись в дальние края,

на юг, на север и на запад. Оттуда — о, сколь давно это было! — молодой сын конунга ушёл в торговую поездку, а сегодня привёз туда самую ценную добычу того похода.

На пристани справился у стража:

— Фарин Фритьофсон ещё водит корабль?

— А то. Видишь вон тот когг с высокой кормой? Это его «Скегла». Как раз грузят.

Моряки катили по сходням бочки, заносили мешки и ящики. По палубе расхаживал стернман в треугольной шляпе, курил трубку и крыл моряков отборной бранью. Хёгни захихикал. Альвар вздохнул: верно, сын привезёт из похода много новых слов.

— Хэй, кормчий! Нужен юнгман?

Над бортом возникло бородатое лицо, овеянное клубами дыма:

— Да на корень еловый мне твой юнгман. Со своими раздолбаями губастыми сладу нет.

— А корабельная обезьянка? — не сдавался Альвар.

— Погоди, дай гляну на твою обезьянку! Дорогу, крабья сиська!

Стернман сошёл на берег, стуча по сходне деревянной ногой. Правую руку заложил за ворот куртки. Длинные всклокоченные волосы и борода странного серого цвета вкупе с дымящейся трубкой в зубах превращали его в ходячий гейзер.

Маленькие глаза смотрели с холодным прищуром, а длинный нос напоминал сосульку.

— Ты, почтеннейший, кто таков будешь? — осведомился бородач.

— Альвар сын Свалльвинда, — нехотя сказал этелинг.

Корабельщик подозрительно окинул взглядом его и Хёгни:

— Тот самый, не так ли? А это, надобно понимать, твой... сын? Умскиптинг?

У Хёгни дёрнулось лицо, но он смолчал. А кормчий продолжал:

— Да какой из него, ведьме в задницу, юнгман? Он же выше меня! Что мне с ним делать?

— Обучи меня морскому делу, — не выдержал Хёгни, — я быстро учусь и выполняю приказы!

Кормчий смерил его взглядом:

— Обезьянка умеет говорить, эка невидаль. А ну, видишь «воронье гнездо»? Лезь.

— Однако же!.. — начал было Альвар, но Хёгни только кивнул и побежал на корабль...

...и, видимо, немало удивил старого моряка, белкой взлетев по канату на место вперёдсмотрящего. Во всякому случае, тот так присвистнул, что на и мачте было слышно.

— Считаю, ты принят, юнга, — кормчий протянул руку. Хёгни на миг оцепенел от испуга,

ибо пожать пришлось не тёплую человеческую ладонь, а здоровенную крабовую клешню, заменявшую стернману десницу. Юноша нахмурился, но почтительно произнёс:

— Меня зовут Хёгни Лемминг, сын Альвара. Рад поступить к вам на борт.

— А меня зовут Хеннинг Вихман, — представился моряк, — я из рода клабаторов, и потому весьма требователен к своим людям. И за неповиновение вот этой самой клешнёй отхвачу любому из этой своры яйца вместе с концом.

— Верно, поэтому у вас на борту нет женщин, — не растерялся Хёгни.

Вихман ободрительно хохотнул.

Скипера Фарина они нашли в корчме «Весёлый мертвец». Он делал вид, что набирает ватагу, а на самом деле приставал к хозяйке, сочной вдовушке Брюнхильд, и не то чтобы вовсе безуспешно. То был нестарый ещё рыжий дядька, весёлый и щеголеватый. Вихман доложил, что судно почти загрузили, трюм сухой, вёсла на месте, паруса и реи в порядке, так что, мол, хоть сейчас можно сниматься с якоря. Фарин кивнул, ущипнул Брюнхильд пониже спины и сказал:

— Будь так добра, принеси ещё бочонок светлого да две... нет, три чарки, да какой-нибудь снеди: сегодня славный денёк, ибо тут ныне у нас

тут будут пить этелинги!

Брюнхильд проворчала:

— Ты платить-то собираешься, Фарин хёвдинг?

— А то как же! Вот вернусь по осени и заплачу, чтоб мне уголь грызть!

— А не вернёшься, тогда как?

— Ну тогда придётся тебе плакать, — лукаво улыбнулся Фарин. — Будешь плакать?

— И не подумаю. Разве что по своим деньгам.

— Вот так с ними, с крутогрудыми ладьями очага, — вздохнул скипер, провожая взглядом хозяйку, — берегись женщин, юноша! На круге гончарном деланы женщин сердца, и подлость у каждой в душе.

— Скверный запас сделаешь в путь, коль пива напьёшься ³⁵, — заметил Хёгни.

— Какой ты умный, — буркнул Фарин. — Мозги из носа не лезут? Или это козьявки?...

— Короче, дела такие, Альвар лейдсогеман, — говорил Фарин, пока остальные хлебали рыбный суп, — что я теперь хожу на корабле купеческого дома Фундина. Нам нет ходу в

³⁵ Фарин и Хёгни перебрасываются цитатами из, разумеется, «Речей Высокого».

Сторборг. В Боргасфьорде вообще не очень обожают dwarves и могут наскочить — а каков там народ, не мне тебе рассказывать. Потому ходим на острова и в Хлордвик. В Хлордвике самая торговля!

— Мне жаль, — только и сказал Альвар.

— Э, подбери сопли, стол заляпаешь! — засмеялся Фарин. — Оно к лучшему: хоть и дольше путь, но ходим налегке и навару больше.

— Что возите?

— Что придётся, — подмигнул скипер, — а приходится всякое. Вот повезём ваши цветные стёкла. Для витражей. Теперь все стали строить эти храмы Белого бога, «церкви», всем нужно цветное стекло — золотое дело!.. Чёрная сталь работы сварфов. Не такая крепкая, как они делают для себя, но для северных деревенских кузнецов — в самый раз. Чугун, свинец, всякие штуки...

— Какие штуки? — спросил Хёгни.

— Наливай да пей, — приказал Фарин.

Юнга пожал плечами и выпил. Не то чтобы он очень любил пиво, но раз уж такое дело...

Пару дней торчали в Гламмвикене. Фарин ждал южный ветер: не хотел идти на вёслах. Хёгни облазил всю пристань, перезнакомился со всеми стражниками, корчмарями и музыкантами. Даже чуть не подрался, но всё обошлось: молодых дуралеев разняли. А на рассвете третьего дня

Хеннинг Вихман доложил скиперу, что — да, наконец-то, сурд-сурд-вест.

— По местам, ублюдки! — ревел Гьяллахорном сын Фритьофа, мигом преобразившийся из милого портового пьянчуги в хёвдинга ватаги мореходов, купцов и бойцов, истинных викингов, у которых морская соль — в крови. — Подтяни ванты! Ставь парус! Крепи «старуху»! Поднять якорь! Эй, лейдсогеман, дуй сюда, потом доблюёшь, — отчаливаем! Карту хоть не просрал? Эх ты, пить не умеешь — Сигмару больше не наливать! Так. Все в сборе? Хёгни юнгман на месте?...

— Ты уж проследи... — попросил Альвар.

— Ага, ещё слезу пусти! — захохотал Фарин. Альвар хотел врезать ему по морде, но вместо этого махнул сыну рукой:

— Удачливо странствуй, счастливо вернись, удачи тебе на пути!

Вихман что-то шепнул на ухо юнге. Тот удивлённо поднял брови. Вихман уверенно кивнул.

— Троллю в зад! — крикнул Хёгни в ответ.

Альвар пару мгновений хлопал глазами. Потом расхохотался.

Хёгни провёл в море два лета подряд. На север возили металлы — болванки, слитки, заготовки, в алмарских портах оставляли для

особых покупателей «всякие штуки»: детали для хитрых механизмов, которыми во фьордах не пользовались, но чуть южнее платили по-королевски. Обрато везли сельдь, зерно, соль, прочую снедь, а также пеньку, сукно, меха, китовый ус, моржовый клык и крепкие кожи морских зверей. Всякое извели в пути: и попутный ветер, и шторм, и штиль, и даже настоящий бой: «придурки из Аскефьорда», как обозвал их Вихман, думали легко поживится за счёт коротышек, но в итоге сами бежали на своей снеке, недосчитавшись пятерых. Отличился и Хёгни: стукнул одного веслом по лысой башке, отвлек от кормчего, а потом подоспел Сигмар лейдсогеман с топором... В награду Хёгни получил хороший боевой нож, скрамасакс, который потерял кто-то из удиравших горе-викингов. Но больше поразился Хёгни, когда увидел, как сражается Хеннинг Вихман, одноногий клабатер с крабовой клешней. Даже будучи калекой, стернман оставался проворным и могучим бойцом.

Хёгни восхищался и завидовал.

Кормчий же наставлял юнгу в морском деле. Свой когг, свою «Скеглу» он знал и любил, как мало какой муж — свою супругу. Хёгни по слову Хеннинга подтягивал и отпускал ванты, вязал узлы, проверял канаты, конопатил борта и трюм, даже пару раз стоял за кормилом. Учил его Хеннинг и

как предсказывать погоду по виду облаков, как измерять глубину лагастафом, как узнать направление по звёздам и полёту птиц. Втроём с Сигмаром они сидели за картами да приборами: разными мерилками, солярстейном, новомодной смотровой трубой, которую, правда, Хеннинг презрительно называл «курьим оком». Пришлось, конечно, и драить палубу, и сидеть до оконченения в краканесте.

— Гляди, малый, сам не закаркай, — шутил Фарин.

— Или яйца не снеси, — вторил Вихман, — они тебе ещё пригодятся!

И все ржали. А громче всех — сам Хёгни.

В алмарских портах юноше не особо понравилось: дымно, сыро и хмуро даже в погожие дни. Теснота и беднота, кругом грязь и вонь, копоть и свиное дерьмо. Хмурый народ: надвинутые шляпы, серые и тёмные одежды, взгляды исподлобья, даже дети какие-то угрюмые. Вместо улыбок — презрительно скривлённые губы. Вместо слов — разрубленные черви.

А надо всем — тени крестов и чугунный гул колоколен Белого бога.

И бритоголовые жрецы в одеждах старух. И страшное Слово Божие.

— Неуютно, пожалуй, тут живётся, — заметил Хёгни, когда «Скегла» отчалила.